РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

НОЯБРЬ. -12

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собс. домъ.
1892.

ПАЛАТА № 6.

I.

Въ больничномъ дворѣ стоитъ небольшой флигель, окруженный цѣлымъ лѣсомъ репейника, крапивы и дикой конопли. Крыша на немъ ржавая, труба на половину обвалилась, ступеньки у крыльца сгнили и поросли травой, а отъ штукатурки остались одни только слѣды. Переднимъ фасадомъ обращенъ онъ къ больницѣ, заднимъ глядитъ въ поле, отъ котораго отдѣляетъ его сѣрый больничный заборъ съ гвоздями. Эти гвозди, обращенные остріями кверху, и заборъ, и самый флигель имѣютъ тотъ особый унылый, окаянный видъ, какой у насъ бываетъ только у больничныхъ и тюремныхъ построекъ.

Если вы не боитесь ожечься о крапиву, то пойдемте по узкой тропинкѣ, ведущей къ флигелю, и посмотримъ, что дѣлается внутри. Отворивъ первую дверь, мы входимъ въ сѣни. Здѣсь у стѣнъ и около печки навалены цѣлыя горы больничнаго хлама. Матрацы, старые изодранные халаты, панталоны, рубахи съ синими полосками, никуда негодная, истасканная обувь,—вся эта рвань свалена въ кучи, перемята, спуталась, гніетъ и издаетъ удушливый запахъ. На хламѣ всегда съ трубкой въ зубахъ лежитъ сторожъ Никита, старый отставной солдатъ съ порыжѣлыми нашивками. У него суровое, испитое лицо, нависшія брови, придающія лицу выраженіе степной овчарки, и красный носъ; онъ невысокъ ростомъ, на видъ сухощавъ и жилистъ, но осанка у него внушительная и кулаки здоровенные. Принадлежитъ онъ къ числу тѣхъ простодушныхъ, положительныхъ, исполнительныхъ и тупыхъ людей, которые больше всего на свѣтѣ любятъ порядокъ и потому убѣждены, что *ихъ* надо бить. Онъ бьетъ по лицу, по груди, по спинѣ, по чемъ попало, и увѣренъ, что безъ этого не было бы здѣсь порядка.

Далѣе вы входите въ большую, просторную комнату, занимаю-

Дорогіе друзья, братья и сестры!

Представляемъ вамъ повѣсть Антона Павловича Чехова «Палата № 6». Впервые она была опубликована въ 1892 году въ журналѣ «Русская мысль».

Главнымъ героемъ повѣсти является врачъ, который плохо сходится съ другими людьми и у него мало друзей. Но однажды онъ находитъ общій языкъ съ паціентомъ, являющимся душевнобольнымъ. Но долго у нихъ дружить не получилось...

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ соотвѣтствіи съ изданіемъ отъ 1892 года [1] съ исправленіемъ явныхъ опечатокъ.

Въ нашемъ изданіи приводятся иллюстраціи разныхъ авторовъ разныхъ годовъ изданія, отсутствующія въ исходномъ изданіи.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

---

[1] Чеховъ, А.П. Палата № 6 // Русская мысль. Кн. 11. [Ноябрь]: Ежемѣсячное лит.-полит. изданіе: Годъ 13. – Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва И.Н. Кушнеревъ и К°, 1892. – [522] с. разд. паг.: табл. – Библіогр. въ подстроч. примеч. и въ текстѣ отдѣльныхъ статей. – С. 76-123.

РУССКАЯ
МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

НОЯБРЬ.

КНИГА XI.

Москва.
Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва
И. Н. Кушнеревъ и К°.
1892

ПАЛАТА № 6.

I.

Въ больничномъ дворѣ стоитъ небольшой флигель, окруженный цѣлымъ лѣсомъ репейника, крапивы и дикой конопли. Крыша на немъ ржавая, труба на половину обвалилась, ступеньки у крыльца сгнили и поросли травой, а отъ штукатурки остались одни только слѣды. Переднимъ фасадомъ обращенъ онъ къ больницѣ, заднимъ глядитъ въ поле, отъ котораго отдѣляетъ его сѣрый больничный заборъ; съ гвоздями Эти гвозди, обращенные остріями кверху, и заборъ, и самый флигель имѣютъ тотъ особый унылый, окаянный видъ, какой у насъ бываетъ только у больничныхъ и тюремныхъ построекъ.

Если вы не боитесь ожечься о крапиву, то пойдемте по узкой тропинкѣ, ведущей къ флигелю, и посмотримъ, что дѣлается внутри. Отворивъ первую дверь, мы входимъ въ сѣни. Здѣсь у стѣнъ и около печки навалены цѣлыя горы больничнаго хлама. Матрацы, старые изодранные халаты, панталоны, рубахи съ синими полосками, никуда негодная, истасканная обувь, — вся эта рвань спалена въ кучи, перемята, спуталась, гніетъ и издаетъ удушливый запахъ. На хламѣ всегда съ трубкой въ зубахъ лежитъ сторожъ Никита, старый отставной солдатъ съ порыжѣлыми нашивками. У него суровое, испитое лицо, нависшія брови, придающія лицу выраженіе степной овчарки, и красный носъ; онъ невысокъ ростомъ, на видъ сухощавъ и жилистъ, но осанка у него внушительная и кулаки здоровенные. Принадлежитъ онъ къ числу тѣхъ простодушныхъ, положительныхъ, исполнительныхъ и тупыхъ людей, которые больше всего на свѣтѣ любятъ порядокъ и потому убѣждены, что *ихъ* надо бить. Онъ бьетъ по

лицу, по груди, по спинѣ, по чемъ попало, и увѣренъ, что безъ этого не было бы здѣсь порядка.

Далѣе вы входите въ большую, просторную комнату, занимающую весь флигель, если не считать сѣней. Стѣны здѣсь вымазаны грязно-голубою краской, потолокъ закопченъ, какъ въ курной избѣ, — ясно, что здѣсь зимой дымятъ печи и бываетъ угарно. Окна извнутри обезображены желѣзными рѣшетками. Полъ сѣръ и занозистъ. Воняетъ кислою капустой, фитильною гарью, клопами и амміакомъ, и эта вонь въ первую минуту производитъ на васъ такое впечатлѣніе, какъ будто вы входите въ звѣринецъ.

Въ комнатѣ стоятъ кровати, привинченныя къ полу. На нихъ сидятъ и лежатъ люди въ синихъ больничныхъ халатахъ и по-старинному въ колпакахъ. Это — сумасшедшіе.

Всѣхъ ихъ здѣсь пять человѣкъ. Только одинъ благороднаго званія, остальные же всѣ мѣщане. Первый отъ двери, высокій, худощавый мѣщанинъ съ рыжими, блестящими усами и съ заплаканными глазами, сидитъ, подперевъ голову, и глядитъ въ одну точку. Въ больничной книгѣ его болѣзнь названа ипохондріей, на самомъ же дѣлѣ у него прогрессивный параличъ. День и ночь онъ груститъ, покачивая головой, вздыхая и горько улыбаясь; въ разговорахъ онъ рѣдко принимаетъ участіе и на вопросы обыкновенно не отвѣчаетъ. Ѣстъ и пьетъ онъ машинально, когда даютъ. Судя по мучительному, бьющему кашлю, худобѣ и румянцу на щекахъ, у него начинается чахотка.

За нимъ слѣдуетъ маленькій, живой, очень подвижный старикъ съ острою бородкой и съ черными, кудрявыми, какъ у негра, волосами. Днемъ онъ прогуливается по палатѣ отъ окна къ окну или сидитъ на своей постели, поджавъ по-турецки ноги, и неугомонно, какъ снигирь, насвистываетъ, тихо поетъ и хихикаетъ. Дѣтскую веселость и живой характеръ

проявляетъ онъ и ночью, когда встаетъ за тѣмъ, чтобы помолиться Богу, то-есть постучать себя кулаками по груди и поковырять пальцемъ въ дверяхъ. Это жидъ Моисейка, дурачокъ, помѣшавшійся лѣтъ двадцать назадъ, когда у него сгорѣла шапочная мастерская. Изо всѣхъ обитателей палаты № 6 только ему одному позволяется выходить изъ флигеля и даже изъ больничнаго двора на улицу. Такою привилегіей онъ пользуется издавна, вѣроятно, какъ больничный старожилъ и какъ тихій, безвредный дурачокъ, городской шутъ, котораго давно уже привыкли видѣть на улицахъ окруженнымъ мальчишками и собаками. Въ халатишкѣ, въ смѣшномъ колпакѣ и въ туфляхъ, иногда босикомъ и даже безъ панталонъ, онъ ходитъ по улицамъ, останавливаясь у воротъ и лавочекъ, и проситъ копѣечку. Въ одномъ мѣстѣ дадутъ ему квасу, въ другомъ хлѣба, въ третьемъ копѣечку, такъ что возвращается онъ во флигель обыкновенно сытымъ и богатымъ. Все, что̀ онъ приноситъ съ собой, отбираетъ у него Никита въ свою пользу. Дѣлаетъ это солдатъ грубо, съ сердцемъ, выворачивая карманы и призывая Бога въ свидѣтели, что онъ никогда уже больше не станетъ пускать жида на улицу и что безпорядки для него хуже всего на свѣтѣ.

Моисейка любитъ услуживать. Онъ подаетъ товарищамъ воду, укрываетъ ихъ, когда они спятъ, обѣщаетъ каждому принести съ улицы по копѣечкѣ и сшить по новой шапкѣ; онъ же кормитъ съ ложки своего сосѣда съ лѣвой стороны, паралитика. Поступаетъ онъ такъ не изъ состраданія и не изъ какихъ-либо соображеній гуманнаго свойства, а подражая и невольно подчиняясь своему сосѣду съ правой стороны, Громову.

Иванъ Дмитричъ Громовъ, мужчина лѣтъ тридцати трехъ, изъ благородныхъ, бывшій судебный приставъ и губернскій секретарь, страдаетъ маніей преслѣдованія. Онъ или лежитъ на постели, свернувшись

калачикомъ, или же ходитъ изъ угла въ уголъ, какъ бы для моціона, сидитъ же очень рѣдко. Онъ всегда возбужденъ, взволнованъ и напряженъ какимъ-то смутнымъ, неопредѣленнымъ ожиданіемъ. Достаточно малѣйшаго шороха въ сѣняхъ или крика на дворѣ, чтобы онъ поднялъ голову и сталъ прислушиваться: не за нимъ ли это идутъ? Не его ли ищутъ? И лицо его при этомъ выражаетъ крайнее безпокойство и отвращеніе.

Мнѣ нравится его широкое, скуластое лицо, всегда блѣдное и несчастное, отражающее въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, замученную борьбой и продолжительнымъ страхомъ душу. Гримасы его странны и болѣзненны, но тонкія черты, положенныя на его лицо глубокимъ искреннимъ страданіемъ, разумны и интеллигентны, и въ глазахъ теплый здоровый блескъ. Нравится мнѣ онъ самъ, вѣжливый, услужливый и необыкновенно деликатный въ обращеніи со всѣми, кромѣ Никиты. Когда кто-нибудь роняетъ пуговку или ложку, онъ быстро вскакиваетъ съ постели и поднимаетъ. Каждое утро онъ поздравляетъ своихъ товарищей съ добрымъ утромъ, ложась спать — желаетъ имъ спокойной ночи.

Кромѣ постоянно напряженнаго состоянія и гримасничанья, сумасшествіе его выражается еще въ слѣдующемъ. Иногда по вечерамъ онъ запахивается въ свой халатикъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, стуча зубами, начинаетъ быстро ходить изъ угла въ уголъ и между кроватей. Похоже на то, какъ будто у него сильная лихорадка. По тому, какъ онъ внезапно останавливается и взглядываетъ на товарищей, видно, что ему хочется сказать что-то очень важное, но, повидимому, соображая, что его не будутъ слушать или не поймутъ, онъ нетерпѣливо встряхиваетъ головой и продолжаетъ шагать. Но скоро желаніе говорить беретъ верхъ надъ всякими соображеніями, и онъ даетъ себѣ волю и говоритъ горячо и страстно. Рѣчь его безпорядочна, лихорадочна, какъ бредъ, порывиста и не всегда

понятна, но за то въ ней слышится, и въ словахъ, и въ голосѣ, что-то чрезвычайно хорошее. Когда онъ говоритъ, вы узнаете въ немъ сумасшедшаго и человѣка. Трудно передать на бумагѣ его безумную рѣчь. Говоритъ онъ о человѣческой подлости, о насиліи, попирающемъ правду, о прекрасной жизни, какая современемъ будетъ на землѣ, объ оконныхъ рѣшеткахъ, напоминающихъ ему каждую минуту о тупости и жестокости насильниковъ. Получается безпорядочное, нескладное попури изъ старыхъ, но еще не допѣтыхъ пѣсенъ...

Лѣтъ 12—15 тому назадъ въ городѣ на самой главной улицѣ, въ собственномъ домѣ, проживалъ чиновникъ Громовъ, человѣкъ солидный и зажиточный. У него было два сына: Сергѣй и Иванъ. Будучи уже студентомъ четвертаго курса, Сергѣй заболѣлъ скоротечною чахоткой и умеръ, и эта смерть какъ бы послужила началомъ цѣлаго ряда несчастій, которыя вдругъ посыпались на семью Громовыхъ. Черезъ недѣлю послѣ похоронъ Сергѣя старикъ отецъ былъ отданъ подъ судъ за подлоги и растраты и вскорѣ умеръ въ тюремной больницѣ отъ тифа. Домъ и вся движимость были проданы съ молотка, и Иванъ Дмитричъ съ матерью остались безъ всякихъ средствъ. Прежде, при отцѣ, Иванъ Дмитричъ, проживая въ Петербургѣ, гдѣ онъ учился въ университетѣ, получалъ 60-70 рублей въ мѣсяцъ и не имѣлъ никакого понятія о нуждѣ, теперь же ему пришлось рѣзко измѣнить свою жизнь. Онъ долженъ былъ отъ утра до ночи давать грошевые уроки, заниматься перепиской и, все-таки, голодать, такъ какъ весь заработокъ посылался матери на пропитаніе. Такой жизни не выдержалъ Иванъ Дмитричъ; онъ палъ духомъ, захирѣлъ и, бросивъ университетъ, уѣхалъ домой. Здѣсь, въ городкѣ, онъ по протекціи получилъ мѣсто учителя въ уѣздномъ училищѣ, но не сошелся съ товарищами, не понравился ученикамъ и скоро бросилъ

мѣсто. Умерла мать. Онъ съ полгода ходилъ безъ мѣста, питаясь только хлѣбомъ и водой, затѣмъ поступилъ въ судебные пристава. Эту должность занималъ онъ до тѣхъ поръ, пока не былъ уволенъ по болѣзни.

Онъ никогда, даже въ молодые студенческіе годы, не производилъ впечатлѣнія здороваго. Всегда онъ былъ блѣденъ, худъ, подверженъ простудѣ, мало ѣлъ, дурно спалъ. Отъ одной рюмки вина у него кружилась голова и дѣлалась истерика. Его всегда тянуло къ людямъ, но, благодаря своему раздражительному характеру и мнительности, онъ ни съ кѣмъ близко не сходился и друзей не имѣлъ. О горожанахъ онъ всегда отзывался съ презрѣніемъ, говоря, что ихъ грубое невѣжество и сонная животная жизнь кажутся ему мерзкими и отвратительными. Говорилъ онъ теноромъ, громко, горячо и не иначе, какъ негодуя и возмущаясь, или съ восторгомъ и удивленіемъ, и всегда искренно. О чемъ, бывало, ни заговоришь съ нимъ, онъ все сводитъ къ одному: въ городѣ душно и скучно жить, у общества нѣтъ высшихъ интересовъ, оно ведетъ тусклую, безсмысленную жизнь, разнообразя ее насиліемъ, грубымъ развратомъ и лицемѣріемъ; подлецы сыты и одѣты, а честные питаются крохами; нужны школа, мѣстная газета съ честнымъ направленіемъ, театръ, публичный чтенія, сплоченность интеллигентныхъ силъ; нужно, чтобъ общество сознало себя и ужаснулось. Въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ онъ клалъ густыя краски, только бѣлую и черную, не признавая никакихъ оттѣнковъ; человѣчество дѣлилось у него на честныхъ и подлецовъ; середины же не было. О женщинахъ и любви онъ всегда говорилъ страстно, съ восторгомъ, но ни разу не былъ влюбленъ.

Въ городѣ, несмотря на рѣзкость его сужденій и нервность, его любили и за-глаза ласково называли Ваней. Его врожденная деликатность, услужливость, порядочность, нравственная чистота и его поношенный

сюртучокъ, болѣзненный видъ и семейныя несчастія внушали хорошее, теплое и грустное чувство; къ тому же, онъ былъ хорошо образованъ и начитанъ, зналъ, по мнѣнію горожанъ, все и былъ въ городѣ чѣмъ-то вродѣ ходячаго справочнаго словаря. Читалъ онъ очень много. Бывало, все сидитъ въ клубѣ, нервно теребитъ бородку и перелистываетъ журналы и книги; и по лицу его видно, что онъ не читаетъ, а глотаетъ, едва успѣвъ разжевать. Надо думать, что чтеніе было одною изъ его болѣзненныхъ привычекъ, такъ какъ онъ съ одинаковою жадностью набрасывался на все , чтò попадало ему подъ руки, даже на прошлогоднія газеты и календари. Дома у себя читалъ онъ всегда лежа.

Однажды осеннимъ утромъ, поднявъ воротникъ своего пальто и шлепая по грязи, по переулкамъ и задворкамъ пробирался Иванъ Дмитричъ къ какому-то мѣщанину, чтобы получить по исполнительному листу. Настроеніе у него было мрачное, какъ всегда по утрамъ. Въ одномъ изъ переулковъ встрѣтились ему два арестанта въ кандалахъ и съ ними четыре конвойныхъ съ ружьями. Раньше Иванъ Дмитричъ очень часто встрѣчалъ арестантовъ и всякій разъ они возбуждали въ немъ чувства состраданія и неловкости, теперь же эта встрѣча произвела на него какое-то особенное, странное впечатлѣніе. Ему вдругъ почему-то показалось, что его тоже могутъ заковать въ кандалы и такимъ же вотъ образомъ вести по грязи въ тюрьму. Побывавъ у мѣщанина и возвращаясь къ себѣ домой, онъ встрѣтилъ около почты знакомаго полицейскаго надзирателя, который поздоровался и прошелъ съ нимъ по улицѣ нѣсколько шаговъ, и почему-то это показалось ему подозрительнымъ. Дома цѣлый день у него не выходили изъ головы арестанты и солдаты съ ружьями, и непонятная душевная тревога мѣшала ему читать и сосредоточиться. Вечеромъ онъ не зажигалъ у себя огня, а ночью не спалъ и все думалъ о томъ, что его могутъ

арестовать, заковать и посадить въ тюрьму. Онъ не зналъ за собой никакой вины и могъ поручиться, что и въ будущемъ никогда не убьетъ, не подожжетъ и не украдетъ; но развѣ трудно совершить преступленіе нечаянно, невольно, и развѣ невозможна клевета, наконецъ, судебная ошибка? Вѣдь, не даромъ же вѣковой народный опытъ учитъ отъ сумы да тюрьмы не зарекаться. А судебная ошибка при теперешнемъ судопроизводствѣ очень возможна и ничего въ ней нѣтъ мудренаго. Люди, имѣющіе служебное, дѣловое отношеніе къ чужому страданію, напримѣръ, судьи, полицейскіе, врачи, съ теченіемъ времени, въ силу привычки, закаляются до такой степени, что хотѣли бы, да не могутъ относиться къ своимъ кліентамъ иначе, какъ формально; съ этой стороны они ничѣмъ не отличаются отъ мужика, который на задворкахъ рѣжетъ барановъ и телятъ и не замѣчаетъ крови. При формальномъ же, бездушномъ отношеніи въ личности, для того, чтобы невиннаго человѣка лишить всѣхъ правъ состоянія и принудить къ каторгѣ, судьѣ нужно только одно: время. Только время на соблюденіе кое-какихъ формальностей, за которыя судьѣ платятъ жалованье, а затѣмъ — все кончено. Ищи потомъ справедливости и защиты въ этомъ маленькомъ, грязномъ городишкѣ, за двѣсти верстъ отъ желѣзной дороги! Да и не смѣшно ли помышлять о справедливости, когда всякое насиліе встрѣчается обществомъ, какъ разумная и цѣлесообразная необходимость, и всякій актъ милосердія, напримѣръ, оправдательный приговоръ, вызываетъ цѣлый взрывъ неудовлетвореннаго, мстительнаго чувства?

Утромъ Иванъ Дмитричъ поднялся съ постели въ ужасѣ, съ холоднымъ потомъ на лбу, совсѣмъ уже увѣренный, что его могутъ арестовать каждую минуту. Если вчерашнія тяжелыя мысли такъ долго не оставляютъ его, — думалъ онъ, — то, значитъ, въ нихъ

есть доля правды. Не могли же онѣ въ самомъ дѣлѣ придти въ голову безо всякаго повода? Городовой, не спѣша, прошелъ мимо оконъ: это не даромъ. Вотъ два человѣка остановились около дома и молчатъ. Почему они молчатъ?

И для Ивана Дмитрича наступили мучительные дни и ночи. Всѣ проходившіе мимо оконъ и входившіе во дворъ казались шпіонами и сыщиками. Въ полдень обыкновенно исправникъ проѣзжалъ на парѣ по улицѣ; это онъ ѣхалъ изъ своего подгороднаго имѣнія въ полицейское управленіе, но Ивану Дмитричу казалось каждый разъ, что онъ ѣдетъ слишкомъ быстро и съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ: очевидно, спѣшитъ объявить, что въ городѣ проявился очень важный преступникъ. Иванъ Дмитричъ вздрагивалъ при всякомъ звонкѣ и стукѣ въ ворота, томился, когда встрѣчалъ у хозяйки новаго человѣка; при встрѣчѣ съ полицейскими и жандармами онъ улыбался и насвистывалъ, чтобы казаться равнодушнымъ. Онъ не спалъ всѣ ночи напролетъ, ожидая ареста, но громко храпѣлъ и вздыхалъ, какъ сонный, чтобы хозяйкѣ казалось, что онъ спитъ; вѣдь, если не спитъ, то, значитъ, его мучаютъ угрызенія совѣсти — какая улика! Факты и здравая логика убѣждали его, что всѣ эти страхи — вздоръ и психопатія, что въ арестѣ и тюрьмѣ, если взглянуть на дѣло пошире, въ сущности, нѣтъ ничего страшнаго, — была бы совѣсть покойна; но чѣмъ умнѣе и логичнѣе онъ разсуждалъ, тѣмъ сильнѣе и мучительнѣе становилась душевная тревога; это было бы похоже на то, какъ одинъ пустынникъ хотѣлъ вырубить себѣ мѣстечко въ дѣвственномъ лѣсу; чѣмъ усерднѣе онъ работалъ топоромъ, тѣмъ гуще и сильнѣе разростался лѣсъ. Иванъ Дмитричъ, въ концѣ-концовъ, видя, что это безполезно, совсѣмъ бросилъ разсуждать и весь отдался отчаянію и страху.

Онъ сталъ уединяться и избѣгать людей. Служба

и раньше была ему противна, теперь же она стала для него невыносима. Онъ боялся, что его какъ-нибудь подведутъ, положатъ ему незамѣтно въ карманъ взятку и потомъ уличатъ, или онъ самъ нечаянно сдѣлаетъ въ казенныхъ бумагахъ ошибку, равносильную подлогу, или потеряетъ чужія деньги. Странно что никогда въ другое время мысль его не была такъ гибка и изобрѣтательна, какъ теперь, когда онъ каждый день выдумывалъ тысячи разнообразныхъ поводовъ къ тому, чтобы серьезно опасаться за свою свободу и честь. Но за то значительно ослабѣлъ интересъ къ внѣшнему міру, въ частности къ книгамъ, и стала сильно измѣнять память.

Весной, когда сошелъ снѣгъ, въ оврагѣ около кладбища нашли два полусгнившіе трупа — старухи и мальчика, съ признаками насильственной смерти. Въ городѣ только и разговора было, что объ этихъ трупахъ и неизвѣстныхъ убійцахъ. Иванъ Дмитричъ, чтобы не подумали, что это онъ убилъ, ходилъ по улицамъ и улыбался, а при встрѣчѣ со знакомыми блѣднѣлъ, краснѣлъ и начиналъ увѣрять, что нѣтъ подлѣе преступленія, какъ убійство слабыхъ и беззащитныхъ. Но эта ложь скоро утомила его и, послѣ нѣкотораго размышленія, онъ рѣшилъ, что въ его положеніи самое лучшее — это спрятаться въ хозяйкинъ погребъ. Въ погребѣ просидѣлъ онъ день, потомъ ночь и другой день, сильно озябъ и, дождавшись потемокъ, тайномъ, какъ воръ, пробрался къ себѣ въ комнату. До разсвѣта простоялъ онъ среди комнаты, не шевелясь и прислушиваясь. Рано утромъ до восхода солнца къ хозяйкѣ пришли печники. Иванъ Дмитричъ хорошо зналъ, что они пришли затѣмъ, чтобы перекладывать въ кухнѣ печь, но страхъ подсказалъ ему, что это полицейскіе, переодѣтые печниками. Онъ потихоньку вышелъ изъ квартиры и, охваченный ужасомъ, безъ шапки и сюртука, побѣжалъ по улицѣ. За нимъ съ лаемъ гнались собаки, кричалъ гдѣ-то позади мужикъ, въ

Иллюстрація къ повѣсти А.П. Чехова «Палата № 6». Литографія. Яхнинъ О.Ю. 1987 г.

ушахъ свистѣлъ воздухъ, и Ивану Дмитричу казалось, что насиліе всего міра скопилось за его спиной и гонится за нимъ.

Его задержали, привели домой и послали хозяйку за докторомъ. Докторъ Андрей Ефимычъ, о которомъ рѣчь впереди, прописалъ холодныя примочки на голову и лавровишневыя капли, грустно покачалъ головой и ушелъ, сказавъ хозяйкѣ, что ужь больше онъ не придетъ, потому что не слѣдуетъ мѣшать людямъ сходить съ ума. Такъ какъ дома не на что было жить и лечиться, то скоро Ивана Дмитрича отправили въ больницу и положили его тамъ въ палатѣ для венерическихъ больныхъ. Онъ не спалъ по ночамъ, капризничалъ и безпокоилъ больныхъ, и скоро, по распоряженію Андрея Ефимыча, былъ переведенъ въ палату № 6. Черезъ годъ въ городѣ уже совершенно забыли про Ивана Дмитрича и книги его, сваленныя хозяйкой въ сани подъ навѣсомъ, были растасканы мальчишками.

Сосѣдъ съ лѣвой стороны у Ивана Дмитрича, какъ я уже сказалъ, жидъ Моисейка, сосѣдъ же съ правой — оплывшій жиромъ, почти круглый мужикъ съ тупымъ, совершенно безсмысленнымъ лицомъ. Это — неподвижное, обжорливое и нечистоплотное животное, давно уже потерявшее способность мыслить и чувствовать. Отъ него постоянно идетъ острый, удушливый смрадъ. Никита, убирающій за нимъ, бьетъ его страшно, со всего размаха, не щадя своихъ кулаковъ; и страшно тутъ не то, что его бьютъ, — къ этому можно привыкнуть, — а то, что это отупѣвшее животное не отвѣчаетъ на побои ни звукомъ, ни движеніемъ, ни выраженіемъ глазъ, а только слегка покачивается, какъ тяжелая бочка.

Пятый и послѣдній обитатель палаты № 6 — мѣщанинъ, служившій когда-то сортировщикомъ на почтѣ, маленькій, худощавый блондинъ съ добрымъ, но

нѣсколько лукавымъ лицомъ. Судя но умнымъ, покойнымъ глазамъ, смотрящимъ ясно и весело, онъ себѣ на умѣ и имѣетъ какую-то очень важную и пріятную тайну. У него есть подъ подушкой и подъ матрасомъ что-то такое, чего онъ никому не показываетъ, но не изъ страха, что могутъ отнять, или украсть, а изъ стыдливости. Иногда онъ подходитъ къ окну и, обернувшись къ товарищамъ спиной, надѣваетъ себѣ что-то на грудь и смотритъ, нагнувъ голову; если въ это время подойти къ нему, то онъ сконфузится и сорветъ что-то съ груди. Но тайну его угадать не трудно.

— Поздравьте меня, — говоритъ онъ часто Ивану Дмитричу, — я представленъ къ Станиславу второй степени со звѣздой. Вторую степень со звѣздой даютъ только иностранцамъ, но для меня почему-то хотятъ сдѣлать исключеніе, — улыбается онъ, въ недоумѣніи пожимая плечами. — Вотъ ужь, признаться, не ожидалъ!

— Я въ этомъ ничего не понимаю, — угрюмо заявляетъ Иванъ Дмитричъ.

— Но знаете, чего я рано или поздно добьюсь? — продолжаетъ бывшій сортировщикъ, лукаво щуря глаза. — Я непремѣнно получу шведскую «Полярную Звѣзду». Орденъ такой, что стòитъ похлопотать . Бѣлый крестъ и черная лента. Это очень красиво.

Вѣроятно, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ такъ жизнь не однообразна, какъ во флигелѣ. Утромъ больные, кромѣ паралитика и толстаго мужика, умываются въ сѣняхъ изъ большаго ушата и утираются фалдами халатовъ; послѣ этого пьютъ изъ оловянныхъ кружекъ чай, который приноситъ изъ главнаго корпуса Никита. Каждому полагается по одной кружкѣ. Въ полдень ѣдятъ щи изъ кислой капусты и кашу, вечеромъ ужинаютъ кашей, оставшеюся отъ обѣда. Въ промежуткахъ лежатъ, спятъ, глядятъ въ окна и ходятъ изъ угла въ уголъ. И такъ каждый день. Даже бывшій

сортировщикъ говоритъ все объ однихъ и тѣхъ же орденахъ.

Свѣжихъ людей рѣдко видятъ въ палатѣ № 6. Новыхъ помѣшанныхъ докторъ давно уже не принимаетъ, а любителей посѣщать сумасшедшіе дома немного на этомъ свѣтѣ.

Разъ въ два мѣсяца бываетъ во флигелѣ Семенъ Лазарычъ, цирюльникъ. Какъ онъ стрижетъ сумасшедшихъ и какъ Никита помогаетъ ему дѣлать это, и въ какое смятеніе приходятъ больные всякій разъ при появленіи пьянаго, улыбающагося цирюльника, мы говорить не будемъ.

Кромѣ цирюльника, никто не заглядываетъ во флигель. Больные осуждены видѣть изо дня въ день одного только Никиту.

Впрочемъ, недавно по больничному корпусу разнесся довольно странный слухъ. Распустили слухъ, что палату № 6 будто бы сталъ посѣщать докторъ.

II.

Странный слухъ!

Докторъ Андрей Ефимычъ Рагинъ замѣчательный человѣкъ въ своемъ родѣ. Говорятъ, что въ ранней молодости онъ былъ очень набоженъ и готовилъ себя къ духовной карьерѣ и что, кончивъ въ 1863 году курсъ въ гимназіи, онъ намѣревался поступить въ духовную академію, но будто бы его отецъ, докторъ медицины и хирургъ, ѣдко посмѣялся надъ нимъ и заявилъ категорически, что не будетъ считать его своимъ сыномъ, если онъ пойдетъ въ попы. Насколько это вѣрно, не знаю, но самъ Андрей Ефимычъ не разъ признавался, что онъ никогда не чувствовалъ призванія къ медицинѣ и вообще къ спеціальнымъ наукамъ.

Какъ бы то ни было, кончивъ курсъ по медицинскому факультету, онъ въ священники не

постригся. Набожности онъ не проявлялъ и на духовную особу въ началѣ своей врачебной карьеры походилъ такъ же мало, какъ теперь. Наружность у него тяжелая, грубая, мужицкая; своимъ лицомъ, бородой, плоскими волосами и крѣпкимъ, неуклюжимъ сложеніемъ напоминаетъ онъ трактирщика на большой дорогѣ, разъѣвшагося, невоздержнаго и крутого. Лицо суровое, покрытое синими жилками, глаза маленькіе, носъ красный. При высокомъ ростѣ и широкихъ плечахъ у него громадныя руки и ноги: кажется, хватитъ кулакомъ — духъ вонъ. Но поступь у него тихая и походка осторожная, вкрадчивая; при встрѣчѣ въ узкомъ корридорѣ онъ всегда первый останавливается, чтобы дать дорогу, и не басомъ, какъ ждешь, а тонкимъ мягкимъ теноркомъ говоритъ: «виноватъ!» У него на шеѣ небольшая опухоль, которая мѣшаетъ ему носить жесткіе крахмальные воротнички и потому онъ всегда ходитъ въ мягкой полотняной или въ ситцевой сорочкѣ. Вообще одѣвается онъ не по-докторски. Одну и ту же пару онъ таскаетъ лѣтъ по десяти, а новая одежа, которую онъ обыкновенно покупаетъ въ жидовской лавкѣ, кажется на немъ такою же поношенною и помятою, какъ старая; въ одномъ и томъ же сюртукѣ онъ и больныхъ принимаетъ, и обѣдаетъ, и въ гости ходитъ; но это не изъ скупости, а отъ полнаго невниманія къ своей наружности.

Когда Андрей Ефимычъ пріѣхалъ въ городъ, чтобы принять должность, «богоугодное заведеніе» находилось въ ужасномъ состояніи. Въ палатахъ, корридорахъ и въ больничномъ дворѣ тяжело было дышать отъ смрада. Больничные мужнин, сидѣлки и ихъ дѣти спали въ палатахъ вмѣстѣ съ больными. Жаловались, что житья нѣтъ отъ таракановъ, клоповъ и мышей. Въ хирургическомъ отдѣленіи не переводилась рожа. На всю больницу было только два скальпеля и ни одного термометра, въ ваннахъ держали картофель.

Смотритель, кастелянша и фельдшеръ грабили больныхъ, а про стараго доктора, предшественника Андрея Ефимыча, разсказывали, будто онъ занимался тайною продажей больничнаго спирта и завелъ себѣ изъ сидѣлокъ и больныхъ женщинъ цѣлый гаремъ. Въ городѣ отлично знали про эти безпорядки и даже преувеличивали ихъ, но относились къ нимъ спокойно; одни оправдывали ихъ тѣмъ, что въ больницу ложатся только мѣщане и мужики, которые не могутъ быть недовольны, такъ какъ дома живутъ гораздо хуже, чѣмъ въ больницѣ; не рябчиками же ихъ кормить! Другіе же въ оправданіе говорили, что одному городу безъ помощи земства не подъ силу содержать хорошую больницу; слава Богу, что хоть плохая есть. А молодое земство не открывало лечебницы ни въ городѣ, ни возлѣ, ссылаясь на то, что городъ уже имѣетъ свою больницу.

Осмотрѣвъ больницу, Андрей Ефимычъ пришелъ къ заключенію, что это учрежденіе безнравственное и въ высшей степени вредное для здоровья жителей. По его мнѣнію, самое умное, что̀ можно было сдѣлать, это — выпустить больныхъ на волю, а больницу закрыть. Но онъ разсудилъ, что для этого недостаточно одной только его воли и что это было бы безполезно; если физическую и нравственную нечистоту прогнать съ одного мѣста, то она перейдетъ на другое; надо ждать, когда она сама вывѣтрится. Къ тому же, если люди открывали больницу и терпятъ ее у себя, то, значитъ, она имъ нужна; предразсудки и всѣ эти житейскія гадости и мерзости нужны, такъ какъ они съ теченіемъ времени перерабатываются во что-нибудь путное, какъ навозъ въ черноземъ. На землѣ нѣтъ ничего такого хорошаго, что въ своемъ первоисточникѣ не имѣло бы гадости. Принявъ должность, Андрей Ефимычъ отнесся къ безпорядкамъ, повидимому, довольно равнодушно. Онъ попросилъ только больничныхъ мужиковъ и сидѣлокъ не ночевать въ палатахъ и поставилъ два шкафа съ

инструментами, смотритель же, кастелянша, фельдшеръ и хирургическая рожа остались на своихъ мѣстахъ.

Андрей Ефимычъ чрезвычайно любитъ умъ и честность, но чтобъ устроить около себя жизнь умную и честную, у него не хватаетъ характера и вѣры въ свое право. Приказывать, запрещать и настаивать онъ положительно не умѣетъ. Похоже на то, какъ будто онъ далъ обѣтъ никогда не возвышать голоса и не употреблять повелительнаго наклоненія. Сказать «дай» или «принеси» ему трудно; когда ему хочется ѣсть, онъ нерѣшительно покашливаетъ и говоритъ кухаркѣ: «Какъ бы мнѣ чаю».... или: «Какъ бы мнѣ пообѣдать». Сказать же смотрителю, чтобъ онъ пересталъ красть или прогнать его, или совсѣмъ упразднить эту ненужную паразитную должность — для него совершенно не подъ силу. Когда обманываютъ Андрея Ефимыча или льстятъ ему, или подносятъ для подписи завѣдомо подлый счетъ, то онъ краснѣетъ, какъ ракъ, и чувствуетъ себя виноватымъ, но счетъ, все-таки, подписываетъ; когда больные жалуются ему на голодъ или на грубыхъ сидѣлокъ, онъ конфузится и виновато бормочетъ: «Хорошо, хорошо, я разберу послѣ... Вѣроятно, тутъ недоразумѣніе»...

Въ первое время Андрей Ефимычъ работалъ очень усердно. Онъ принималъ ежедневно съ утра до обѣда, дѣлалъ операціи и даже занимался акушерскою практикой. Дамы говорили про него, что онъ внимателенъ и отлично угадываетъ болѣзни, особенно дѣтскія и женскія. Но съ теченіемъ времени дѣло замѣтно прискучило ему своимъ однообразіемъ и очевидною безполезностью. Сегодня примешь 30 больныхъ, а завтра, глядишь, привалило ихъ 35, послѣзавтра 40, и такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ, а смертность въ городѣ не уменьшается, и больные не перестаютъ ходить. Оказать серьезную помощь 40 приходящимъ больнымъ отъ утра до обѣда нѣтъ

физической возможности, значитъ, поневолѣ выходитъ одинъ обманъ. Принято въ отчетномъ году 12,000 приходящихъ больныхъ, значитъ, попросту разсуждая, обмануто 12,000 человѣкъ. Класть же серьезныхъ больныхъ въ палаты и заниматься ими по правиламъ науки тоже нельзя, потому что правила есть, а науки нѣтъ; если же оставить философію и педантически слѣдовать правиламъ, какъ прочіе врачи, то для этого, прежде всего, нужны чистота и вентиляція, а не грязь, — здоровая пища, а не щи изъ вонючей кислой капусты, и хорошіе помощники, а не воры. Да и къ чему мѣшать людямъ умирать, если смерть есть нормальный и законный конецъ каждаго? Что изъ того, если какой-нибудь торгашъ или чиновникъ проживетъ лишнихъ пять, десять лѣтъ? Если же видѣть цѣль медицины въ томъ, что лѣкарства облегчаютъ страданія, то невольно напрашивается вопросъ: зачѣмъ ихъ облегчать? Во-первыхъ, говорятъ, что страданія ведутъ человѣка къ совершенству, и, во-вторыхъ, если человѣчество въ самомъ дѣлѣ научится облегчать свои страданія пилюлями и каплями, то оно совершенно забросить религію и философію, въ которыхъ до сихъ поръ находило не только защиту отъ всякихъ бѣдъ, но даже счастіе. Пушкинъ передъ смертью испытывалъ страшныя мученія, бѣдняжка. Гейне нѣсколько лѣтъ лежалъ въ параличѣ; почему же не поболѣть какому-нибудь Андрею Ефимычу или Матренѣ Савишнѣ, жизнь которыхъ безсодержательна и была бы совершенно пуста и похожа на жизнь амёбы, если бы не страданія? Подавляемый такими разсужденіями, Андрей Ефимычъ опустилъ руки и сталъ ходить въ больницу не каждый день.

Жизнь его проходитъ такъ. Обыкновенно онъ встаетъ утромъ часовъ въ восемь, одѣвается и пьетъ чай. Потомъ садится у себя въ кабинетѣ читать или идетъ въ больницу. Здѣсь, въ больницѣ, въ узкомъ темномъ корридорчикѣ сидятъ амбулаторные больные, ожидающіе

пріемки. Мимо нихъ, стуча сапогами по кирпичному полу, бѣгаютъ мужики и сидѣлки, проходятъ тощіе больные въ халатахъ, проносятъ мертвецовъ и посуду съ нечистотами, плачутъ дѣти, дуетъ сквозной вѣтеръ. Андрей Ефимычъ знаетъ, что для лихорадящихъ, чахоточныхъ и вообще впечатлительныхъ больныхъ такая обстановка мучительна, но что подѣлаешь? Въ пріемной встрѣчаетъ его фельдшеръ Сергѣй Сергѣичъ, маленькій, толстый человѣчекъ съ бритымъ, чисто вымытымъ, пухлымъ лицомъ, съ мягкими плавными манерами и въ новомъ просторномъ костюмѣ, похожій больше на сенатора, чѣмъ на фельдшера. Въ городѣ онъ имѣетъ громадную практику, носитъ бѣлый галстукъ и считаетъ себя болѣе свѣдущимъ, чѣмъ докторъ, который совсѣмъ не имѣетъ практики. Въ углу въ пріемной стоитъ большой образъ въ кіотѣ, съ тяжелою лампадой, возлѣ — ставникъ въ бѣломъ чехлѣ; на стѣнахъ висятъ портреты архіереевъ, видъ Святогорскаго монастыря и вѣнки изъ сухихъ васильковъ. Сергѣй Сергѣичъ религіозенъ и любитъ благолѣпіе. Образъ поставленъ его иждивеніемъ; по воскресеньямъ въ пріемной кто-нибудь изъ больныхъ, по его приказанію, читаетъ вслухъ акаѳистъ, а послѣ чтенія самъ Сергѣй Сергѣичъ обходитъ всѣ палаты съ кадильницей и кадитъ въ нихъ ладономъ.

Больныхъ много, а времени мало, и потому дѣло ограничивается однимъ только короткимъ опросомъ и выдачей какого-нибудь лѣкарства, вродѣ летучей мази или касторки. Андрей Ефимычъ сидитъ, подперевъ щеку кулакомъ, задумавшись, и машинально задаетъ вопросы. Сергѣй Сергѣичъ тоже сидитъ, потираетъ свои ручки и изрѣдка вмѣшивается.

— Болѣемъ и нужду терпимъ отъ того, — говоритъ онъ, — что Господу милосердному плохо молимся. Да!

Во время пріемки Андрей Ефимычъ не дѣлаетъ

никакихъ операціи; онъ давно уже отвыкъ отъ нихъ и видъ крови его непріятно волнуетъ. Когда ему приходится раскрывать ребенку ротъ, чтобы заглянуть въ горло, а ребенокъ кричитъ и защищается ручонками, то отъ шума въ ушахъ у него кружится голова и выступаютъ слезы на глазахъ. Онъ торопится прописать лѣкарство и машетъ руками, чтобы баба поскорѣе унесла ребенка.

На пріемкѣ скоро ему прискучиваетъ робость больныхъ и ихъ безтолковость, близость благолѣпнаго Сергѣя Сергѣича, портреты на стѣнахъ и свои собственные вопросы, которые онъ задаетъ неизмѣнно уже болѣе двадцати лѣтъ. И онъ уходитъ, принявъ пять, шесть больныхъ. Остальныхъ безъ него принимаетъ фельдшеръ.

Съ пріятною мыслью, что, слава Богу, частной практики у него давно уже нѣтъ и что ему никто не помѣшаетъ, Андрей Ефимычъ, придя домой, немедленно садится въ кабинетѣ за столъ и начинаетъ читать. Читаетъ онъ очень много и всегда съ большимъ удовольствіемъ. Половина жалованья уходитъ у него на покупку книгъ и изъ шести комнатъ его квартиры три завалены книгами и старыми журналами. Больше всего онъ любитъ сочиненія по исторіи и философіи; по медицинѣ же выписываетъ одного только *Врача*, котораго всегда начинаетъ читать съ конца. Чтеніе всякій разъ продолжается безъ перерыва по нѣскольку часовъ и его не утомляетъ. Читаетъ онъ не такъ быстро и порывисто, какъ когда-то читалъ Иванъ Дмитричъ, а медленно, съ проникновеніемъ, часто останавливаясь на мѣстахъ, которыя ему нравятся или непонятны. Около книги всегда стоитъ графинчикъ съ водкой и лежитъ соленый огурецъ или моченое яблоко прямо на сукнѣ, безъ тарелки. Черезъ каждые полчаса онъ, не отрывая глазъ отъ книги, наливаетъ себѣ рюмку водки и

выпиваетъ, потомъ, не глядя, нащупываетъ огурецъ и откусываетъ кусочекъ.

Въ три часа онъ осторожно подходитъ къ кухонной двери, кашляетъ и говоритъ:

— Дарьюшка, какъ бы мнѣ пообѣдать...

Послѣ обѣда, довольно плохаго и неопрятнаго, Андрей Ефимычъ ходитъ по своимъ комнатамъ, скрестивъ на груди руки, и думаетъ. Бьетъ четыре часа, потомъ пять, а онъ все ходитъ и думаетъ. Изрѣдка поскрипываетъ кухонная дверь и показывается изъ нея красное, заспанное лицо Дарьюшки.

— Андрей Ефимычъ, вамъ не пора пиво пить? — спрашиваетъ она озабоченно.

— Нѣтъ, еще не время... — отвѣчаетъ онъ. — Я погожу... погожу...

Къ вечеру обыкновенно приходитъ почтмейстеръ Михаилъ Аверьянычъ, единственный во всемъ городѣ человѣкъ, общество котораго для Андрея Ефимыча не тягостно. Михаилъ Аверьянычъ когда-то былъ очень богатымъ помѣщикомъ и служилъ въ кавалеріи, но разорился и изъ нужды поступилъ подъ старость въ почтовое вѣдомство. У него бодрый, здоровый видъ, роскошные сѣдые бакены, благовоспитанныя манеры и громкій пріятный голосъ. Онъ добръ и чувствителенъ, но вспыльчивъ. Когда на почтѣ кто-нибудь изъ посѣтителей протестуетъ, не соглашается или просто начинаетъ разсуждать, то Михаилъ Аверьянычъ багровѣетъ, трясется всѣмъ тѣломъ и кричитъ громовымъ голосомъ: «Замолчать!» такъ что за почтовымъ отдѣленіемъ давно уже установилась репутація учрежденія, въ которомъ страшно бывать. Михаилъ Аверьянычъ уважаетъ и любитъ Андрея Ефимыча за образованность и благородство души, къ прочимъ же обывателямъ относится свысока, какъ къ своимъ подчиненнымъ.

— А вотъ и я! — говоритъ онъ, входя къ Андрею Ефимычу. — Здравствуйте, мой дорогой! Небось я уже надоѣлъ вамъ, а?

— Напротивъ, очень радъ, — отвѣчаетъ ему докторъ. — Я всегда радъ вамъ.

Пріятели садятся въ кабинетѣ на диванъ и нѣкоторое время молча курятъ.

— Дарьюшка, какъ бы намъ пива! — говоритъ Андрей Ефимычъ.

Первую бутылку выпиваютъ тоже молча: докторъ — задумавшись, а Михаилъ Аверьянычъ — съ веселымъ, оживленнымъ видомъ, какъ человѣкъ, который имѣетъ разсказать что-то очень интересное. Разговоръ всегда начинаетъ докторъ.

— Какъ жаль, — говоритъ онъ медленно и тихо, покачивая головой и не глядя въ глаза собесѣднику (онъ никогда не смотритъ въ глаза), — какъ глубоко жаль, уважаемый Михаилъ Аверьянычъ, что въ нашемъ городѣ совершенно нѣтъ людей, которые бы умѣли и любили вести умную и интересную бесѣду. Это громадное для насъ лишеніе. Даже интеллигенція не возвышается надъ пошлостью; уровень ея развитія, увѣряю васъ, нисколько не выше, чѣмъ у низшаго сословія.

— Совершенно вѣрно. Согласенъ.

— Вы сами изволите знать, — продолжаетъ докторъ тихо и съ разстановкой, — что на этомъ свѣтѣ все незначительно и не интересно, кромѣ высшихъ духовныхъ проявленій человѣческаго ума. Умъ проводитъ рѣзкую грань между животнымъ и человѣкомъ, намекаетъ на божественность послѣдняго и въ нѣкоторой степени даже замѣняетъ ему безсмертіе, котораго нѣтъ. Исходя изъ этого, умъ служитъ единственно возможнымъ источникомъ наслажденія. Мы же не видимъ и не слышимъ около себя ума, — значитъ, мы лишены наслажденія. Правда, у насъ есть книги, но это совсѣмъ не то, что живая бесѣда и общеніе. Если

позволите сдѣлать не совсѣмъ удачное сравненіе, то книги — это ноты, а бесѣда — пѣніе.

— Совершенно вѣрно.

Наступаетъ молчаніе. Изъ кухни выходитъ Дарьюшка и съ выраженіемъ тупой скорби, подперевъ кулачкомъ лицо, останавливается въ дверяхъ, чтобы послушать.

— Эхъ! — вздыхаетъ Михаилъ Аверьянычъ. — Захотѣли отъ нынѣшнихъ ума!

И онъ разсказываетъ, какъ жилось прежде здорово, весело и интересно, какая была въ Россіи умная интеллигенція и какъ высоко она ставила понятія о чести и дружбѣ. Давали деньги въ займы безъ векселя, и считалось позоромъ не протянуть руку помощи нуждающемуся товарищу. А какіе были походы, приключенія, стычки, какіе товарищи, какія женщины! Кавказъ — удивительный край. А жена одного батальоннаго командира, странная женщина, надѣвала офицерское платье и уѣзжала по вечерамъ въ горы, одна, безъ проводника. Говорятъ, что въ аулахъ у нея былъ романъ съ какимъ-то князькомъ.

— Царица небесная, матушка... — вздыхаетъ Дарьюшка.

— А какъ пили! Какъ ѣли! А какіе были отчаянные либералы!

Андрей Ефимычъ слушаетъ и не слышитъ; онъ о чемъ-то думаетъ и прихлебываетъ пиво.

— Мнѣ часто снятся умные люди и бесѣды съ ними, — говоритъ онъ неожиданно, перебивая Михаила Аверьяныча. — Мой отецъ далъ мнѣ прекрасное образованіе, но подъ вліяніемъ идей шестидесятыхъ годовъ заставилъ меня сдѣлаться врачомъ. Мнѣ кажется, что еслибъ я тогда не послушался его, то теперь я находился бы въ самомъ центрѣ умственного движенія. Вѣроятно, былъ бы членомъ какого-нибудь факультета. Конечно, умъ тоже не вѣченъ и преходящъ, но вы уже

знаете, почему я питаю къ нему склонность. Жизнь есть досадная ловушка. Когда мыслящій человѣкъ достигаетъ возмужалости и приходитъ въ зрѣлое сознаніе, то онъ невольно чувствуетъ себя какъ бы въ ловушкѣ, изъ которой нѣтъ выхода. Въ самомъ дѣлѣ, противъ его воли вызванъ онъ какими-то случайностями изъ небытія къ жизни... Зачѣмъ? Хочетъ онъ узнать смыслъ и цѣль своего существованія, ему не говорятъ или же говорятъ нелѣпости; онъ стучится — ему не отворяютъ; къ нему приходитъ смерть — тоже противъ его воли. И вотъ, какъ въ тюрьмѣ, люди, связанные общимъ несчастіемъ, чувствуютъ себя легче, когда сходятся вмѣстѣ, такъ и въ жизни не замѣчаешь ловушки, когда люди, склонные къ анализу и обобщеніямъ, сходятся вмѣстѣ и проводятъ время въ обмѣнѣ гордыхъ, свободныхъ идей. Въ этомъ смыслѣ умъ есть наслажденіе незамѣнимое.

— Совершенно вѣрно.

Не глядя собесѣднику въ глаза, тихо и съ паузами Андрей Ефимычъ продолжаетъ говорить объ умныхъ людяхъ и бесѣдахъ съ ними, а Михаилъ Аверьянычъ внимательно слушаетъ его и соглашается: «Совершенно вѣрно».

— А вы не вѣрите въ безсмертіе души? — вдругъ спрашиваетъ почтмейстеръ.

— Нѣтъ, уважаемый Михаилъ Аверьянычъ, не вѣрю и не имѣю основанія вѣрить.

— Признаться, и я сомнѣваюсь. А хотя, впрочемъ, у меня такое чувство, какъ будто я никогда не умру. Ой, думаю себѣ, старый хрѣнъ, умирать пора! А въ душѣ какой-то голосочекъ: «не вѣрь, не умрешь!...»

Въ началѣ десятаго часа Михаилъ Аверьянычъ уходитъ. Надѣвая въ передней шубу, онъ говоритъ со вздохомъ:

— Однако, въ какую глушь занесла насъ судьба! Досаднѣе всего, что здѣсь и умирать придется. Эхъ!...

Проводивъ пріятеля, Андрей Ефимычъ садится

за столъ и опять начинаетъ читать. Тишина вечера и потомъ ночи не нарушается ни однимъ звукомъ и время, кажется, останавливается и замираетъ вмѣстѣ съ докторомъ надъ книгой, и кажется, что ничего не существуетъ, кромѣ этой книги и лампы съ зеленымъ колпакомъ. Грубое, мужицкое лицо доктора мало-помалу озаряется улыбкой умиленія и восторга передъ движеніями человѣческаго ума. «О, зачѣмъ человѣкъ не безсмертенъ? — думаетъ онъ. — Зачѣмъ мозговые центры и извилины, зачѣмъ зрѣніе, рѣчь, самочувствіе, геній, если всему этому суждено уйти въ почву и, въ концѣ-концовъ, охладеть вмѣстѣ съ земною корой, а потомъ милліоны лѣтъ безъ смысла и безъ цѣли носиться съ землей вокругъ солнца? Для того, чтобы охладеть и потомъ носиться, совсѣмъ не нужно извлекать изъ небытія человѣка съ его высокимъ, почти божескимъ умомъ, и потомъ, словно въ насмѣшку, превращать его въ глину. Обмѣнъ веществъ! Но какая трусость утѣшать себя этимъ суррогатомъ безсмертія! Безсознательные процессы, происходящіе въ природѣ, ниже даже человѣческой глупости, такъ какъ въ глупости есть, все-таки, сознаніе и воля, въ процессахъ же ровно ничего. А, между тѣмъ, уму говорятъ: успокойся, твое существо, сгнившее въ землѣ, дастъ жизнь другимъ организмамъ, то-есть, другими словами, ты будешь ниже глупости. Только трусъ, у котораго больше страха передъ смертью, чѣмъ достоинства, можетъ утѣшать себя тѣмъ, что тѣло его будетъ современемъ жить въ травѣ, въ камнѣ, въ жабѣ... Видѣть свое безсмертіе въ обмѣнѣ веществъ такъ же странно, какъ пророчить блестящую будущность футляру послѣ того, какъ разбилась и стала негодною дорогая скрипка».

Когда бьютъ часы, Андрей Ефимычъ откидывается на спинку кресла и закрываетъ глаза, чтобы немножко подумать. И невзначай, подъ вліяніемъ хорошихъ мыслей, вычитанныхъ изъ книги, онъ

бросаетъ взглядъ на свое прошедшее и настоящее. И въ настоящемъ то же, что̀ въ прошломъ. Онъ знаетъ, что въ то время, когда его мысли носятся вмѣстѣ съ охлажденною землей вокругъ солнца, рядомъ съ докторскою квартирой, въ большомъ корпусѣ, томятся люди въ болѣзняхъ и физической нечистотѣ; быть можетъ, кто-нибудь не спитъ и воюетъ съ насѣкомыми, кто-нибудь заражается рожей или стонетъ отъ туго-положенной повязки; быть можетъ, больные играютъ въ карты съ сидѣлками и пьютъ водку. Въ отчетномъ году было обмануто 12,000 человѣкъ; все больничное дѣло, какъ и 20 лѣтъ назадъ, построено на воровствѣ, дрязгахъ, сплетняхъ, кумовствѣ, на грубомъ шарлатанствѣ, и больница, попрежнему, представляетъ изъ себя учрежденіе безнравственное и въ высшей степени вредное для здоровья жителей. Онъ знаетъ, что въ палатѣ № 6 за рѣшетками Никита колотитъ больныхъ и что Моисейка каждый день ходитъ по городу и собираетъ милостыню.

Съ другой же стороны, ему отлично извѣстно, что за послѣднія 25 лѣтъ съ медициной произошла сказочная перемѣна. Когда онъ учился въ университетѣ, ему казалось, что медицину скоро постигнетъ участь алхиміи и метафизики, теперь же, когда онъ читаетъ по ночамъ, медицина трогаетъ его и возбуждаетъ въ немъ удивленіе и даже восторгъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой неожиданный блескъ, какая революція! Благодаря антисептикѣ, дѣлаютъ операціи, какія великій Пироговъ считалъ невозможными даже in spe [2]. Обыкновенные земскіе врачи рѣшаются производить резекцію колѣннаго сустава, на сто чревосѣченій одинъ только смертный случай, а каменная болѣзнь считается такимъ

---

[2] Въ надеждѣ, въ будущемъ (лат.). – Въ исходномъ изданіи переводъ отсутствуетъ. – *Примѣчаніе издателя*.

пустякомъ, что о ней даже не пишутъ. Радикально излечивается сифилисъ. А теорія наслѣдственности, гипнотизмъ, открытія Пастёра и Коха, гигіена со статистикой, а наша русская земская медицина? Психіатрія съ ея теперешнею классификаціей болѣзней, методами распознаванія и леченія — это въ сравненіи съ тѣмъ, что было, цѣлый Эльборусъ. Теперь помѣшаннымъ не льютъ на голову холодную воду и не надѣваютъ на нихъ горячечныхъ рубахъ; ихъ содержатъ по-человѣчески и даже, какъ пишутъ въ газетахъ, устраиваютъ для нихъ спектакли и балы. Андрей Ефимычъ знаетъ, что при теперешнихъ взглядахъ и вкусахъ такая мерзость, какъ палата № 6, возможна развѣ только въ двухстахъ верстахъ отъ желѣзной дороги, въ городкѣ, гдѣ городской голова и всѣ гласные — полуграмотные мѣщане, видящіе во врачѣ жреца, которому нужно вѣрить безъ всякой критики, хотя бы онъ вливалъ въ ротъ расплавленное олово; въ другомъ же мѣстѣ публика и газеты давно бы уже расхватали въ клочья эту маленькую Бастилію.

«Но что же? — спрашиваетъ себя Андрей Ефимычъ, открывая глаза. — Что же изъ этого? И антисептика, и Кохъ, и Пастёръ, а сущность дѣла нисколько не измѣнилась. Болѣзненность и смертность все тѣ же. Сумасшедшимъ устраиваютъ балы и спектакли, а на волю ихъ, все-таки, не выпускаютъ. Значитъ, все вздоръ и суета, и разницы между лучшею вѣнскою клиникой и моею больницей, въ сущности, нѣтъ никакой».

Но скорбь и чувство, похожее, на зависть, мѣшаютъ ему быть равнодушнымъ. Это, должно быть, отъ утомленія. Тяжелая голова склоняется къ книгѣ, онъ кладетъ подъ лицо руки, чтобы мягче было, и думаетъ:

«Я служу вредному дѣлу и получаю жалованье отъ людей, которыхъ обманываю; я не честенъ. Но, вѣдь, самъ по себѣ я ничто, я только частица необходимаго

соціальнаго зла: всѣ уѣздные чиновники вредны и даромъ получаютъ жалованье... Значитъ, въ своей нечестности виноватъ не я, а время... Родись я двумя стами лѣтъ позже, я былъ бы другимъ».

Когда бьетъ три часа, онъ тушитъ лампу и уходитъ въ спальню. Спать ему не хочется.

Года два тому назадъ земство расщедрилось и постановило выдавать триста рублей ежегодно на усиленіе медицинскаго персонала въ городской больницѣ, и на помощь Андрею Ефимычу былъ приглашенъ городомъ уѣздный врачъ Евгеній Ѳедоровичъ Хоботовъ. Это еще очень молодой человѣкъ — ему нѣтъ и тридцати, высокій брюнетъ съ широкими скулами и маленькими глазками; вероятно, предки его были инородцами. Пріѣхалъ онъ въ городъ безъ гроша денегъ, съ небольшимъ чемоданчикомъ и съ молодою, некрасивою женщиной, которую онъ называетъ своею кухаркой. У этой женщины грудной младенецъ. Ходитъ Евгеній Ѳедоровичъ въ фуражкѣ съ козырькомъ и въ высокихъ сапогахъ, а зимой въ полушубкѣ. Онъ близко сошелся съ фельдшеромъ Сергѣемъ Сергѣичемъ и съ казначеемъ, а остальныхъ чиновниковъ называетъ почему-то аристократами и сторонится ихъ. Во всей квартирѣ у него есть только одна книга — *Новѣйшіе рецепты вѣнской клиники* за 1881 г. Идя къ больному, онъ всегда беретъ съ собой и эту книжку. Въ клубѣ по вечерамъ играетъ онъ въ билліардъ, картъ же не любитъ. Большой охотникъ употреблять въ разговорѣ такія слова, какъ канитель, мантифолія съ уксусомъ, будетъ тебѣ тѣнь наводить и т. п.

Въ больницѣ онъ бываетъ два раза въ недѣлю, обходитъ палаты и дѣлаетъ пріемку больныхъ. Совершенное отсутствіе антисептики и кровососныя банки возмущаютъ его, но новыхъ порядковъ онъ не вводитъ, боясь оскорбить этимъ Андрея Ефимыча. Своего коллегу Андрея Ефимыча онъ считаетъ старымъ

плутомъ, подозрѣваетъ у него большія средства и втайнѣ завидуетъ ему. Онъ охотно бы занялъ его мѣсто.

III.

Въ одинъ изъ весеннихъ вечеровъ, въ концѣ марта, когда уже на землѣ не было снѣга и въ больничномъ саду пѣли скворцы, докторъ вышелъ проводить до воротъ своего пріятеля почтмейстера. Какъ разъ въ это время во дворъ входилъ жидъ Моисейка, возвращавшійся съ добычи. Онъ былъ безъ шапки и въ мелкихъ калошахъ на босую ногу и въ рукахъ держалъ небольшой мѣшочекъ съ милостыней.

— Дай копѣечку! — обратился онъ къ доктору, дрожа отъ холода и улыбаясь.

Андрей Ефимычъ, который никогда не умѣлъ отказывать, подалъ ему гривенникъ.

«Какъ это не хорошо, — подумалъ онъ, глядя на его босыя ноги съ красными тощими щиколками. — Вѣдь, мокро».

И, побуждаемый чувствомъ, похожимъ и на жалость, и на брезгливость, онъ вошелъ во флигель вслѣдъ за евреемъ, поглядывая то на его лысину, то на щиколки. При входѣ доктора, съ кучи хлама вскочилъ Никита и вытянулся.

— Здравствуй, Никита, — сказалъ мягко Андрей Ефимычъ. — Какъ бы этому еврею выдать сапоги, что ли, а то простудится.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе. Я доложу смотрителю.

— Пожалуйста. Ты попроси его отъ моего имени. Скажи, что я просилъ.

Дверь изъ сѣней въ палату была отворена. Иванъ Дмитричъ, лежа на кровати и приподнявшись на локоть, съ тревогой прислушивался къ чужому голосу и вдругъ узналъ доктора. Онъ весь затрясся отъ гнѣва,

вскочилъ и съ краснымъ, злымъ лицомъ, съ глазами на выкатѣ, выбѣжалъ на середину палаты.

— Докторъ пришелъ! — крикнулъ онъ и захохоталъ. — Наконецъ-то! Господа, поздравляю, докторъ удостоиваетъ насъ своимъ визитомъ! Проклятая гадина! — взвизгнулъ онъ и въ изступленіи, какого никогда еще не видѣли въ палатѣ, топнулъ ногой, — Убить эту гадину! Нѣтъ, мало убить! Утопить въ отхожемъ мѣстѣ!

Андрей Ефимычъ, слышавшій это, выглянулъ изъ сѣней въ палату и спросилъ мягко:

— За что?

— За что? — крикнулъ Иванъ Дмитричъ, подходя къ нему съ угрожающимъ видомъ и судорожно запахиваясь въ халатъ. — За что? Воръ! — проговорилъ онъ съ отвращеніемъ и дѣлая губы такъ, какъ будто желая плюнуть. — Шарлатанъ! Палачъ!

— Успокойтесь, — сказалъ Андрей Ефимычъ, виновато улыбаясь. — Увѣряю васъ, и никогда ничего не кралъ, въ остальномъ же, вѣроятно, вы сильно преувеличиваете. Я вижу, что вы на меня сердиты. Успокойтесь, прошу васъ, если можете, и скажите хладнокровно: за что?

— А за что вы меня здѣсь держите?

— За то, что вы больны.

— Да, болѣнъ. Но, вѣдь, десятки, сотни сумасшедшихъ гуляютъ на свободѣ, потому что ваше невѣжество неспособно отличить ихъ отъ здоровыхъ. Почему же я и вотъ эти несчастные должны сидѣть тутъ за всѣхъ, какъ козлы отпущенія? Вы, фельдшеръ, смотритель и вся ваша больничная сволочь въ нравственномъ отношеніи неизмѣримо ниже каждаго изъ насъ, почему же мы сидимъ тутъ, а вы нѣтъ? Гдѣ логика?

— Нравственное отношеніе и логика тутъ не причемъ. Все зависитъ отъ случая. Кого посадили, тотъ

сидитъ, а кого не посадили, тотъ гуляетъ, — вотъ и все. Въ томъ, что я докторъ, а вы душевно-больной, нѣтъ ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность.

— Этой ерунды я не понимаю... — глухо проговорилъ Иванъ Дмитричъ и сѣлъ на свою кровать.

Моисейка, котораго Никита постѣснился обыскивать въ присутствіи доктора, разложилъ у себя на постели кусочки хлѣба, бумажки и косточки и, все еще дрожа отъ холода, что-то быстро и пѣвуче заговорилъ по-еврейски. Вѣроятно, онъ вообразилъ, что открылъ лавочку.

— Отпустите меня, — сказалъ Иванъ Дмитричъ и голосъ его дрогнулъ.

— Не могу.

— Но почему же? Почему?

— Потому что это не въ моей власти. Посудите, какая польза вамъ оттого, если я отпущу васъ? Идите. Васъ задержатъ горожане или полиція и вернутъ назадъ.

— Да, да, это правда... — проговорилъ Иванъ Дмитричъ и потеръ себе лобъ. — Это ужасно! По что же мнѣ дѣлать? Что?

Голосъ Ивана Дмитрича и его молодое умное лицо съ гримасами понравились Андрею Ефимычу. Ему захотелось приласкать молодого человѣка и успокоить его. Онъ сѣлъ рядомъ съ нимъ на постель, подумалъ и сказалъ:

— Вы спрашиваете, что дѣлать? Самое лучшее въ вашемъ положеніи — бѣжать отсюда. Но, къ сожалѣнію, это безполезно. Васъ задержатъ. Когда общество ограждаетъ себя отъ преступниковъ, психическихъ больныхъ и вообще неудобныхъ людей, то оно непобѣдимо. Вамъ остается одно: успокоиться на мысли, что ваше пребываніе здѣсь необходимо.

— Никому оно не нужно.

— Разъ существуютъ тюрьмы и сумасшедшіе

дома, то долженъ же кто-нибудь сидѣть въ нихъ. Не вы — такъ я, не я — такъ кто-нибудь третій. Погодите, когда въ далекомъ будущемъ закончатъ свое существованіе тюрьмы и сумасшедшіе дома, то не будетъ ни рѣшетокъ на окнахъ, ни халатовъ... Конечно, такое время рано или поздно настанетъ.

Иванъ Дмитричъ насмѣшливо улыбнулся.

— Вы шутите, — сказалъ онъ, щуря глаза. — Такимъ господамъ, какъ вы и вашъ помощникъ Никита, нѣтъ никакого дѣла до будущаго, но можете быть увѣрены, милостивый государь, настанутъ лучшія времена! Пусть я выражаюсь пошло, смѣйтесь, но возсіяетъ заря новой жизни, восторжествуетъ правда, и — на нашей улицѣ будетъ праздникъ! Я не дождусь издохну, но за то чьи-нибудь правнуки дождутся. Привѣтствую ихъ отъ всей души и радуюсь, радуюсь за нихъ! Впередъ! Помогай вамъ Богъ, друзья! — Иванъ Дмитричъ съ блестящими глазами поднялся и, протягивая руки къ окну, продолжалъ съ волненіемъ въ голосѣ: — Изъ-за этихъ рѣшетокъ благословляю васъ! Да здравствуетъ правда! Радуюсь!

— Я не нахожу особенной причины радоваться, — сказалъ Андрей Ефимычъ, которому движеніе Ивана Дмитрича показалось театральнымъ и, въ то же время, очень понравилось. — Тюремъ и сумасшедшихъ домовъ не будетъ и правда, какъ вы изволили выразиться, восторжествуетъ, но, вѣдь, сущность вещей не измѣнится; законы природы останутся все тѣ же. Люди будутъ болѣть, стариться и умирать такъ же, какъ и теперь. Какая бы великолѣпная заря ни освѣщала вашу жизнь, но, все-таки, въ концѣ-концовъ, васъ заколотятъ въ гробъ и бросятъ въ яму.

— А безсмертіе?

— Э, полноте!

— Вы не вѣрите, ну, а я вѣрю. У Достоевскаго или у Вольтера кто-то говоритъ, что если бы не было

Бога, то его выдумали бы люди. А я глубоко вѣрю, что если нѣтъ безсмертія, то его рано или поздно изобрѣтетъ великій человѣческій умъ.

— Хорошо сказано, — проговорилъ Андрей Ефимычъ, улыбаясь отъ удовольствія. — Это хорошо, что вы вѣруете. Съ такою вѣрой можно жить припѣваючи даже замуравленному въ стѣнѣ. Вы изволили гдѣ-нибудь получить образованіе?

— Да, я былъ въ университетѣ, но не кончилъ.

— Вы мыслящій и вдумчивый человѣкъ. При всякой обстановкѣ вы можете находить успокоеніе въ самомъ себѣ. Свободное и глубокое мышленіе, которое стремится къ уразумѣнію жизни, и полное презрѣніе къ глупой суетѣ міра, — вотъ два блага, выше которыхъ никогда не зналъ человѣкъ. И вы можете обладать ими, хотя бы вы жили за тремя рѣшетками. Діогенъ жилъ въ бочкѣ, однако же, былъ счастливѣе всѣхъ царей земныхъ.

— Вашъ Діогенъ былъ болванъ, — угрюмо проговорилъ Иванъ Дмитричъ. — Что вы мнѣ говорите про Діогена, да про какое-то уразумѣніе? — разсердился онъ вдругъ и вскочилъ. — Я люблю жизнь, люблю страстно! У меня манія преслѣдованія, постоянный мучительный страхъ, но бываютъ минуты, когда меня охватываетъ жажда жизни, и тогда я боюсь сойти съ ума. Ужасно хочу жить, ужасно!

Онъ въ волненіи прошелся по палатѣ и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Когда я мечтаю, меня посѣщаютъ призраки. Ко мнѣ ходятъ какіе-то люди, я слышу голоса, музыку и кажется мнѣ, что я гуляю по какимъ-то лѣсамъ, по берегу моря, и мнѣ тогда страстно хочется суеты, заботы... Скажите мнѣ, ну, что тамъ новаго? — спросилъ Иванъ Дмитричъ быстро. — Что тамъ?

— Вы про городъ желаете знать или вообще?

Иллюстрація къ произведенію А. П. Чехова Палата № 6. Художникъ А. В. Ванеціанъ. 1954 годъ

— Ну, сначала разскажите мнѣ про городъ, а потомъ вообще.

— Что-жь? Въ городѣ томительно скучно... Не съ кѣмъ слова сказать, не кого послушать. Новыхъ людей нѣтъ. Впрочемъ, пріѣхалъ недавно молодой врачъ Хоботовъ.

— Онъ еще при мнѣ пріѣхалъ. Что, хамъ?

— Да, не культурный человѣкъ. Странно, знаете ли... Судя по всему, въ нашихъ столицахъ нѣтъ умственнаго застоя, есть движеніе, — значитъ, должны быть тамъ и настоящіе люди, но почему-то всякій разъ оттуда присылаютъ къ намъ такихъ людей, что не глядѣлъ бы. Несчастный городъ!

— Да, несчастный городъ! — вздохнулъ Иванъ Дмитричъ и засмѣялся. — А вообще какъ? Что пишутъ въ газетахъ и журналахъ?

Въ палатѣ было уже темно. Докторъ поднялся и, стоя, началъ разсказывать, что̀ пишутъ за границей и въ

Россіи, и какое замѣчается теперь направленіе мысли. Иванъ Дмитричъ внимательно слушалъ и задавалъ вопросы, но вдругъ, точно вспомнивъ что-то ужасное, схватилъ себя за голову и легъ на постель, спиной къ доктору.

— Что съ вами? — спросилъ Андрей Ефимычъ.

— Вы отъ меня не услышите больше ни одного слова! — грубо проговорилъ Иванъ Дмитричъ. — Оставьте мена!

— Отчего же?

— Говорю вамъ: оставьте! Какого дьявола?

Андрей Ефимычъ пожалъ плечами, вздохнулъ и вышелъ. Проходя черезъ сѣни, онъ сказалъ:

— Какъ бы здѣсь убрать, Никита... Ужасно тяжелый запахъ!

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

«Какой пріятный молодой человѣкъ! — думалъ Андрей Ефимычъ, идя къ себѣ на квартиру. — За все время, пока я тутъ живу, это, кажется, первый, съ которымъ можно поговорить. Онъ умѣетъ рассуждать и интересуется именно тѣмъ, чѣмъ нужно».

Читая и потомъ ложась спать, онъ все время думалъ объ Иванѣ Дмитричѣ, а проснувшись на другой день утромъ, вспомнилъ, что вчера онъ познакомился съ умнымъ и интереснымъ человѣкомъ, и рѣшилъ сходить къ нему еще разъ при первой возможности.

IV.

Иванъ Дмитричъ лежалъ въ такой же позѣ, какъ вчера, обхвативъ голову руками и поджавъ ноги. Лица его не было видно.

— Здравствуйте, мой другъ, — сказалъ Андрей Ефимычъ.— Вы не спите?

— Во-первыхъ, я вамъ не другъ, — проговорилъ Иванъ Дмитричъ въ подушку, — а, во-вторыхъ, вы

напрасно хлопочете: вы не добьетесь отъ меня ни одного слова.

— Странно... — пробормоталъ Андрей Ефимычъ въ смущеніи. — Вчера мы бесѣдовали такъ мирно, но вдругъ вы почему-то обидѣлись и сразу оборвали... Вѣроятно, я выразился какъ-нибудь неловко или, быть можетъ, высказалъ мысль, несогласную съ вашими убѣжденіями...

— Да, такъ я вамъ и повѣрю! — сказалъ Иванъ Дмитричъ, приподнимаясь и глядя на доктора насмѣшливо и съ тревогой; глаза у него были красны. — Можете идти шпіонить и пытать въ другое мѣсто, а тутъ вамъ нечего дѣлать. Я еще вчера понялъ, зачѣмъ вы приходили.

— Странная фантазія! — усмѣхнулся докторъ. — Значитъ, вы полагаете, что я шпіонъ?

— Да, полагаю... Шпіонъ или докторъ, къ которому положили меня на испытаніе, — это все равно.

— Ахъ, какой вы, право, извините... чудакъ...

Докторъ сѣлъ на табуретъ возлѣ постели и укоризненно покачалъ головой.

— Но допустимъ, что вы правы, — сказалъ онъ. — Допустимъ, что я предательски ловлю васъ на словѣ, чтобы выдать полиціи. Васъ арестуютъ и потомъ судятъ. Но развѣ въ судѣ и въ тюрьмѣ вамъ будетъ хуже, чѣмъ здѣсь? А если сошлютъ на поселеніе и даже на каторгу, то развѣ это хуже, чѣмъ сидѣть въ этомъ флигелѣ? Полагаю, не хуже... Такъ чего же бояться?

Видимо, эти слова подѣйствовали на Ивана Дмитрича. Онъ покойно сѣлъ. Былъ пятый часъ вечера, — время, когда обыкновенно Андрей Ефимычъ ходитъ у себя по комнатамъ и Дарьюшка спрашиваетъ его, не пора ли ему пиво пить. На дворѣ была тихая, ясная погода.

— А я послѣ обѣда вышелъ прогуляться, да вотъ и зашелъ, какъ видите, — сказалъ докторъ. — Совсѣмъ весна.

— Теперь какой мѣсяцъ? Мартъ? — спросилъ Иванъ Дмитричъ.

—Да, конецъ марта.

— Грязно на дворѣ?

— Нѣтъ, не очень. Въ саду уже тропинки.

— Теперь бы хорошо проѣхаться въ коляскѣ куда-нибудь за городъ, — сказалъ Иванъ Дмитричъ, протирая свои красные глаза, точно съ просонокъ, — потомъ вернуться бы домой въ теплый, уютный кабинетъ и... и полечиться у порядочнаго доктора отъ головной боли... Давно уже я не жилъ по-человѣчески... А здѣсь гадко! Нестерпимо гадко!

Послѣ вчерашняго возбужденія онъ былъ утомленъ и вялъ и говорилъ неохотно. Пальцы у него дрожали и по лицу видно было, что у него сильно болѣла голова.

— Между теплымъ, уютнымъ кабинетомъ и этою палатой нѣтъ никакой разницы, — сказалъ Андрей Ефимычъ. — Покой и довольство человѣка не внѣ его, а въ немъ самомъ.

— То-есть какъ?

— Обыкновенный человѣкъ ждетъ хорошаго или дурнаго извнѣ, то-есть отъ коляски и кабинета, а мыслящій — отъ самого себя.

— Идите, проповѣдуйте эту философію въ Греціи, гдѣ тепло и пахнетъ померанцемъ, а здѣсь она не по климату. Съ кѣмъ это я говорилъ о Діогенѣ? Съ вами, что ли?

— Да, вчера со мной.

— Діогенъ не нуждался въ кабинетѣ и въ тепломъ помѣщеніи; тамъ и безъ того жарко... Лежи себѣ въ бочкѣ, да кушай апельсины и оливки. А доведись ему въ Россіи жить, такъ онъ не то что въ декабрѣ, а въ

маѣ запросился бы въ комнату. Небось, скрючило бы отъ холода.

— Нѣтъ. Холодъ, какъ и вообще всякую боль, можно не чувствовать. Маркъ Аврелій сказалъ: «Боль есть живое представленіе о боли; сдѣлай усиліе воли, чтобъ измѣнить это представленіе, откинь его, перестань жаловаться, и боль исчезнетъ». Это справедливо. Мудрецъ или, попросту, мыслящій, вдумчивый человѣкъ отличается именно тѣмъ, что презираетъ страданіе; онъ всегда доволенъ и ничему не удивляется.

— Значитъ, я идіотъ, такъ какъ я страдаю, недоволенъ и удивляюсь человѣческой подлости?

— Это вы напрасно. Если вы почаще будете вдумываться, то вы поймете, какъ ничтожно все то внѣшнее, что волнуетъ насъ. Нужно стремиться къ уразумѣнію жизни, а въ немъ — истинное благо.

— Уразумѣніе... — поморщился Иванъ Дмитричъ. — Внѣшнее, внутреннее... Извините, я этого не понимаю. Я знаю только, — сказалъ онъ, вставая и сердито глядя на доктора, — что Богъ создалъ меня изъ теплой крови и нервовъ, да-съ! А органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздраженіе. И я реагирую! На боль я отвѣчаю крикомъ и слезами, на подлость — негодованіемъ, на мерзость — отвращеніемъ. По-моему, это собственно и называется жизнью. Чѣмъ ниже организмъ, тѣмъ онъ менѣе чувствителенъ и тѣмъ слабѣе отвѣчаетъ на раздраженіе, и чѣмъ выше, тѣмъ онъ воспріимчивѣе и энергичнѣе реагируетъ на дѣйствительность. Какъ не знать этого? Докторъ, а не знаетъ такихъ пустяковъ. Чтобы презирать страданіе, быть всегда довольнымъ и ничему не удивляться, нужно дойти до этого состоянія, — и Иванъ Дмитричъ указалъ на толстаго, заплывшаго жиромъ мужика, — или же закалить себя страданіями до такой степени, что потерять всякую чувствительность къ нимъ то-есть, другими словами, перестать жить.

Извините, я не мудрецъ и не философъ, — продолжалъ Иванъ Дмитричъ съ раздраженіемъ, — и ничего я въ этомъ не понимаю. Я не въ состояніи разсуждать.

— Напротивъ, вы прекрасно разсуждаете.

— Стоики, которыхъ вы пародируете, были замѣчательные люди, но ученіе ихъ застыло еще двѣ тысячи лѣтъ назадъ и ни капли не подвинулось впередъ и не будетъ двигаться, такъ какъ оно не практично и не жизненно. Оно имѣло успѣхъ только у меньшинства, которое проводитъ свою жизнь въ штудированіи и смакованіи всякихъ ученій, большинство же не понимало его. Ученіе, проповѣдующее равнодушіе къ богатству, къ удобствамъ жизни, презрѣніе къ страданіямъ и смерти, совсѣмъ непонятно для громаднаго большинства, такъ какъ это большинство никогда не знало ни богатства, ни удобствъ въ жизни, а презирать страданія значило бы для него презирать самую жизнь, такъ какъ все существо человѣка состоитъ изъ ощущеній голода, холода, обидъ, потерь и гамлетовскаго страха передъ смертью. Въ этихъ ощущеніяхъ вся жизнь; ею можно тяготиться, ненавидѣть ее, но не презирать. Да, такъ, повторяю, ученіе стоиковъ никогда не можетъ имѣть будущности, прогрессируютъ же, какъ видите, отъ начала вѣка до сегодня борьба, чуткость къ боли, способность отвѣчать на раздраженіе...

Иванъ Дмитричъ вдругъ потерялъ нить мыслей, остановился и досадливо потеръ лобъ.

— Хотѣлъ сказать что-то важное, да сбился, — сказалъ онъ. — О чемъ я? Да! Такъ вотъ я и говорю: кто-то изъ стоиковъ продалъ себя въ рабство затѣмъ, чтобы выкупить своего ближняго. Вотъ видите, значитъ, и стоикъ реагировалъ на раздраженіе, такъ какъ для такого великодушного акта, какъ уничтоженіе себя ради ближняго, нужна возмущенная , сострадающая душа . Я забылъ тутъ въ тюрьмѣ все , что̀ училъ, а то бы еще что-нибудь вспомнилъ. А Христа взять? Христосъ отвѣчалъ

на дѣйствительность тѣмъ, что плакалъ, улыбался, печалился, гнѣвался, даже тосковалъ; онъ не съ улыбкой шелъ на встрѣчу страданіямъ и не презиралъ смерти, а молился въ саду Геѳсиманскомъ, чтобъ его миновала чаша сія.

Иванъ Дмитричъ засмѣялся и сѣлъ.

— Положимъ, покой и довольство человѣка не внѣ его, а въ немъ самомъ, — сказалъ онъ. — Положимъ, нужно презирать страданія и ничему не удивляться. Но вы-то на какомъ основаніи проповѣдуете это? Вы мудрецъ? Философъ?

— Нѣтъ, я не философъ, по проповѣдывать это долженъ каждый, потому что это разумно.

— Нѣтъ, я хочу знать, почему вы въ дѣлѣ уразумѣнія, презрѣнія къ страданіямъ и прочее считаете себя компетентнымъ? Развѣ вы страдали когда-нибудь? Вы имѣете понятіе о страданіяхъ? Позвольте: васъ въ дѣтствѣ сѣкли?

— Нѣтъ, мои родители питали отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ.

— А меня отецъ поролъ жестоко. Мой отецъ былъ крутой, геморроидальный чиновникъ съ длиннымъ носомъ и съ желтою шеей. Но будемъ говорить о васъ. Во всю вашу жизнь до васъ никто не дотронулся пальцемъ, никто васъ не запугивалъ, не забивалъ; здоровы вы, какъ быкъ. Росли вы подъ крылышкомъ отца и учились на его счетъ, а потомъ сразу захватили синекуру. Больше двадцати лѣтъ вы жили на безплатной квартирѣ, съ отопленіемъ, съ освѣщеніемъ, съ прислугой, имѣя, притомъ, право работать, какъ и сколько вамъ угодно, хоть ничего не дѣлать. Отъ природы вы человѣкъ лѣнивый, рыхлый и потому старались складывать свою жизнь такъ, чтобы васъ ничто не безпокоило и не двигало съ мѣста. Дѣла вы сдали фельдшеру и прочей сволочи, а сами сидѣли въ теплѣ, да въ тишинѣ, копили деньги, книжки

почитывали, услаждали себя размышленіями о разной возвышенной чепухѣ и (Иванъ Дмитричъ посмотрѣлъ на красный носъ доктора) выпивахомъ. Однимъ словомъ, жизни вы не видѣли, не знаете ея совершенно, а съ дѣйствительностью знакомы только теоретически. А презираете вы страданія и ничему не удивляетесь по очень простой причинѣ: суета-суетъ, внѣшнее и внутреннее, презрѣніе къ жизни, страданіямъ и смерти, уразумѣніе, истинное благо, — все это философія, самая подходящая для россійскаго лежебока. Видите вы, напримѣръ, какъ мужикъ бьетъ жену. Зачѣмъ вступаться? Пускай бьетъ, все равно оба помрутъ рано или поздно; и бьющій, къ тому же, оскорбляетъ побоями не того, кого бьетъ, а самого себя. Пьянствовать глупо, неприлично, но пить — умирать и не пить — умирать. Приходитъ баба, зубы болятъ... Ну, что-жь? Боль есть представленіе о боли, и, къ тому же, безъ болѣзней не проживешь на этомъ свѣтѣ, всѣ помремъ, а потому ступай, баба, прочь, не мешай мнѣ мыслить и водку пить. Молодой человѣкъ проситъ совѣта, что̀ дѣлать, какъ жить; прежде чѣмъ отвѣтить, другой бы задумался, а тутъ ужь готовъ отвѣтъ: стремись къ уразуменію или къ истинному благу. А что такое это фантастическое «истинное благо»? Отвѣта нѣтъ, конечно. Насъ держатъ здѣсь за рѣшеткой, гноятъ, истязуютъ, но это прекрасно и разумно, потому что между этою палатой и теплымъ, уютнымъ кабинетомъ нѣтъ никакой разницы. Удобная философія: и дѣлать нечего, и совѣсть чиста, и мудрецомъ себя чувствуешь... Нѣтъ, сударь, это не философія, не мышленіе, не широта взгляда, а лѣнь, факирство, сонная одурь... Да! — опять разсердился Иванъ Дмитричъ. — Страданія презираете, а небось прищеми вамъ дверью палецъ, такъ заорете во все горло!

— А можетъ, и не заору, — сказалъ Андрей Ефимычъ, кротко улыбаясь.

— Да, какъ же! А вотъ если бы васъ трахнулъ

параличъ или, положимъ, какой-нибудь дуракъ и наглецъ, пользуясь своимъ положеніемъ и чиномъ, оскорбилъ васъ публично и вы знали бы, что это пройдетъ ему безнаказанно, — ну, тогда бы вы поняли, какъ это отсылать другихъ къ уразумѣнію и истинному благу.

— Это оригинально, — сказалъ Андрей Ефимычъ, смѣясь отъ удовольствія и потирая руки. — Меня пріятно поражаетъ въ васъ склонность къ обобщеніямъ, а моя характеристика, которую вы только что изволили сдѣлать, просто блестяща. Признаться, бесѣда съ вами доставляетъ мнѣ громадное удовольствіе. Ну-съ, я васъ выслушалъ, теперь и вы благоволите выслушать меня...

Этотъ разговоръ продолжался еще около часа и, повидимому, произвелъ на Андрея Ефимыча глубокое впечатлѣніе. Онъ сталъ ходить во флигель каждый день. Ходилъ онъ туда по утрамъ и послѣ обѣда и часто вечерняя темнота заставала его въ бесѣдѣ съ Иваномъ Дмитричемъ. Въ первое время Иванъ Дмитричъ дичился его, подозрѣвалъ въ зломъ умыслѣ и откровенно выражалъ свою непріязнь, потомъ привыкъ къ нему и свое рѣзкое обращеніе смѣнилъ на снисходительно-ироническое.

Скоро по больницѣ разнесся слухъ, что докторъ Андрей Ефимычъ сталъ посѣщать палату № 6. Никто — ни фельдшеръ, ни Никита, ни сидѣлки не могли понять, зачѣмъ онъ ходилъ туда, зачѣмъ просиживалъ тамъ по цѣлымъ часамъ, о чемъ разговаривалъ и почему не прописывалъ рецептовъ. Поступки его казались странными. Михаилъ Аверьянычъ часто не заставалъ его дома, чего раньше никогда не случалось, и Дарьюшка была очень смущена, такъ какъ докторъ пилъ пиво уже не въ опредѣленное время и иногда даже запаздывалъ къ обѣду. Однажды, это было уже въ конце іюня, докторъ Хоботовъ пришелъ по какому-то дѣлу къ Андрею

Ефимычу: не заставъ его дома, онъ отправился искать его по двору; тутъ ему сказали, что старый докторъ пошелъ къ душевнобольнымъ. Войдя во флигель и остановившись въ сѣняхъ, Хоботовъ услышалъ такой разговоръ:

— Мы никогда не споемся и обратить меня въ свою вѣру вамъ не удастся, — говорилъ Иванъ Дмитричъ съ раздраженіемъ. — Съ дѣйствительностью вы совершенно не знакомы и никогда вы не страдали, а только, какъ пьявица, кормились около чужихъ страданій, я же страдалъ непрерывно со дня рожденія до сегодня. Поэтому говорю откровенно: я считаю себя выше васъ и компетентнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Не вамъ учить меня.

— Я совсѣмъ не имѣю претензіи обращать васъ въ свою вѣру, — проговорилъ Андрей Ефимычъ тихо и съ сожалѣніемъ, что его не хотятъ понять. — И не въ этомъ дѣло, мой другъ. Дѣло не въ томъ, что вы страдали, а я нѣтъ. Страданія и радости преходящи: оставимъ ихъ, Богъ съ ними. А дѣло въ томъ, что мы съ вами мыслимъ; мы видимъ другъ въ другѣ людей, которые способны мыслить и разсуждать, и это дѣлаетъ насъ солидарными, какъ бы различны ни были наши взгляды. Если бы вы знали, другъ мой, какъ надоѣли мнѣ всеобщее безуміе, бездарность, тупость, и съ какою радостью я всякій разъ бесѣдую съ вами! Вы умный человѣкъ и я наслаждаюсь вами.

Хоботовъ отворилъ на вершокъ дверь и заглянулъ въ палату; Иванъ Дмитричъ въ колпакѣ и докторъ Андрей Ефимычъ сидѣли рядомъ на постели. Сумасшедшій гримасничалъ, вздрагивалъ и судорожно запахивался въ халатъ, а докторъ сидѣлъ неподвижно, опустивъ голову, и лицо у него было красное, безпомощное, грустное. Хоботовъ пожалъ плечами, усмѣхнулся и переглянулся съ Никитой. Никита тоже пожалъ плечами.

На другой день Хоботовъ приходилъ во флигель вмѣстѣ съ фельдшеромъ. Оба стояли въ сѣняхъ и подслушивали.

— А нашъ дѣдъ, кажется, совсѣмъ сдрефилъ! — сказалъ Хоботовъ, выходя изъ флигеля.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! — вздохнулъ благолѣпный Сергѣй Сергѣичъ, старательно обходя лужицы, чтобы не запачкать своихъ ярко вычищенныхъ сапоговъ. — Признаться, уважаемый Евгеній Ѳедорычъ, я давно уже ожидалъ этого!

V.

Послѣ этого Андрей Ефимычъ сталъ замѣчать кругомъ какую-то таинственность. Мужики, сидѣлки и больные при встрѣчѣ съ нимъ вопросительно взглядывали на него и потомъ шептались. Дѣвочка Маша, дочь смотрителя, которую онъ любилъ встрѣчать въ больничномъ саду, теперь, когда онъ съ улыбкой подходилъ къ ней, чтобы погладить ее по головкѣ, почему-то убѣгала отъ него. Почтмейстеръ Михаилъ Аверьянычъ, слушая его, уже не говорилъ: «Совершенно вѣрно», а въ непонятномъ смущеніи бормоталъ: «да, да, да»... и глядѣлъ на него задумчиво и печально; почему-то онъ сталъ совѣтовать своему другу оставить водку и пиво, но при этомъ, какъ человѣкъ деликатный, говорилъ не прямо, а намеками, разсказывая то про одного батальоннаго командира, отличнаго человѣка, то про полковаго священника, славнаго малаго, которые пили и заболѣли, но, бросивъ пить, совершенно выздоровѣли. Два-три раза приходилъ къ Андрею Ефимычу коллега Хоботовъ; онъ тоже совѣтовалъ оставить спиртные напитки и безо всякаго видимаго повода рекомендовалъ принимать бромистый калій.

Въ августѣ Андрей Ефимычъ получилъ отъ городскаго головы письмо съ просьбой пожаловать по

очень важному дѣлу. Придя въ назначенное время въ управу, Андрей Ефимычъ засталъ тамъ воинскаго начальника, штатнаго смотрителя уѣзднаго училища, члена управы, Хоботова и еще какого-то полнаго, бѣлокураго господина, котораго представили ему какъ доктора. Этотъ докторъ съ польскою, трудно выговариваемою фамиліей жилъ въ тридцати верстахъ отъ города на конскомъ заводѣ и былъ теперь въ городѣ проѣздомъ.

— Тутъ заявленьице по вашей части-съ, — обратился членъ управы къ Андрею Ефимычу послѣ того, какъ всѣ поздоровались и сѣли за столъ. — Вотъ Евгеній Ѳедорычъ говорятъ, что аптекѣ тѣсновато въ главномъ корпусѣ и что ее надо бы перевести въ одинъ изъ флигелей. Оно, конечно, это ничего, перевести можно, но главная причина — флигель ремонту захочетъ.

— Да, безъ ремонта не обойтись, — сказалъ Андрей Ефимычъ подумавъ. — Если, напримѣръ, угловой флигель приспособить для аптеки, то на это, полагаю, понадобится minimum рублей пятьсотъ. Расходъ непроизводительный.

Немного помолчали.

— Я уже имѣлъ честь докладывать десять лѣтъ назадъ, — продолжалъ Андрей Ефимычъ тихимъ голосомъ, — что эта больница въ настоящемъ ея видѣ является для города роскошью не по средствамъ. Строилась она въ сороковыхъ годахъ, но, вѣдь, тогда были не тѣ средства. Городъ слишкомъ много затрачиваетъ на ненужныя постройки и лишнія должности. Я думаю, на эти деньги можно было бы при другихъ порядкахъ содержать двѣ образцовыя больницы.

— Такъ вотъ и давайте заводить другіе порядки! — живо сказалъ членъ управы.

— Я уже имѣлъ честь докладывать: передайте медицинскую часть въ вѣденіе земства.

— Да, передайте земству деньги, а оно украдетъ, — засмѣялся бѣлокурый докторъ.

— Это какъ водится, — согласился членъ управы и тоже засмѣялся.

Андрей Ефимычъ вяло и тускло посмотрѣлъ на бѣлокураго доктора и сказалъ:

— Надо быть справедливымъ.

Опять помолчали. Подали чай. Воинскій начальникъ, почему-то очень смущенный, черезъ столъ дотронулся до руки Андрея Ефимыча и сказалъ:

— Совсѣмъ вы насъ забыли, докторъ. Впрочемъ, вы монахъ: въ карты не играете, женщинъ не любите. Скучно вамъ съ нашимъ братомъ.

Всѣ заговорили о томъ, какъ скучно порядочному человѣку жить въ этомъ городѣ. Ни театра, ни музыки, а на послѣднемъ танцовальномъ вечерѣ въ клубѣ было около двадцати дамъ и только два кавалера. Молодежь не танцуетъ, а все время толпится около буфета или играетъ въ карты. Андрей Ефимычъ медленно и тихо, ни на кого не глядя, сталъ говорить о томъ, какъ жаль, какъ глубоко жаль, что горожане тратятъ свою жизненную энергію, свое сердце и умъ на карты и сплетни, а не умѣютъ и не хотятъ проводить время въ интересной бесѣдѣ и въ чтеніи, не хотятъ пользоваться наслажденіями, какія даетъ умъ. Только одинъ умъ интересенъ и замѣчателенъ, все же остальное мелко и низменно. Хоботовъ внимательно слушалъ своего коллегу и вдругъ спросилъ:

— Андрей Ефимычъ, какое сегодня число?

Получивъ отвѣтъ, онъ и бѣлокурый докторъ тономъ экзаменаторовъ, чувствующихъ свою неумѣлость, стали спрашивать у Андрея Ефимыча, какой сегодня день, сколько дней въ году и правда ли, что въ палатѣ № 6 живетъ замѣчательный пророкъ. Въ отвѣтъ на послѣдній вопросъ Андрей Ефимычъ покраснѣлъ и сказалъ:

— Да, это больной, по интересный молодой человѣкъ.

Больше ему не задавали никакихъ вопросовъ. Когда онъ въ передней надѣвалъ пальто, воинскій начальникъ положилъ руку ему на плечо и сказалъ со вздохомъ:

— Намъ старикамъ на отдыхъ пора!

Выйдя изъ управы, Андрей Ефимычъ понялъ, что это была коммиссія, назначенная для освидѣтельствованія его умственныхъ способностей. Онъ вспомнилъ вопросы, которые задавали ему, покраснѣлъ и почему-то теперь первый разъ въ жизни ему стало горько жаль медицину. «Боже мой, — думалъ онъ, — вѣдь, они такъ недавно слушали психіатрію, держали экзаменъ — откуда же это круглое невѣжество? Они понятія не имѣютъ о психіатріи!» И первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и разсерженнымъ.

Въ тотъ же день вечеромъ у него былъ Михаилъ Аверьянычъ. Не здороваясь, почтмейстеръ подошелъ къ нему, взялъ его за обѣ руки и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Дорогой мой, другъ мой, докажите мнѣ, что вы вѣрите въ мое искреннее расположеніе и считаете меня своимъ другомъ... Другъ мой! — и, мѣшая говорить Андрею Ефимычу, онъ продолжалъ, волнуясь: — я люблю васъ за образованность и благородство души. Слушайте меня, мой дорогой. Правила науки обязываютъ докторовъ скрывать отъ васъ правду, но я по-военному рѣжу правду-матку: вы нездоровы! Извините меня, мой дорогой, но это правда, это давно уже замѣтили всѣ окружающіе. Сейчасъ мнѣ докторъ, Евгеній Ѳедорычъ, говорилъ, что, для пользы вашего здоровья, вамъ необходимо отдохнуть и развлечься. Совершенно вѣрно! Превосходно! На сихъ дняхъ я беру отпускъ и уѣзжаю понюхать другаго воздуха. Докажите

же, что вы мнѣ другъ, поѣдемъ вмѣстѣ! Поѣдемъ, тряхнемъ стариной!

— Я чувствую себя совершенно здоровымъ, — сказалъ Андрей Ефимычъ, подумавъ. — Ѣхать же не могу. Позвольте мнѣ какъ-нибудь иначе доказать вамъ свою дружбу.

Ѣхать куда-то, неизвѣстно зачѣмъ, безъ книгъ, безъ Дарьюшки, безъ пива, рѣзко нарушить порядокъ жизни, установившійся за 20 лѣтъ, — такая идея въ первую минуту показалась ему дикою и фантастическою. Но онъ вспомнилъ разговоръ, бывшій въ управѣ, и тяжелое настроеніе, какое онъ испыталъ, возвращаясь изъ управы домой, и мысль уѣхать не надолго изъ города, гдѣ глупые люди считаютъ его сумасшедшимъ, улыбнулась ему.

— А вы собственно куда намѣрены ѣхать? — спросилъ онъ.

— Въ Москву, въ Петербургъ, въ Варшаву... Въ Варшавѣ я провелъ пять счастливѣйшихъ лѣтъ моей жизни. Что за городъ изумительный! Ѣдемте, дорогой мой!

Черезъ недѣлю Андрею Ефимычу предложили отдохнуть, то-есть подать въ отставку, къ чему онъ отнесся равнодушно, а еще черезъ недѣлю онъ и Михаилъ Аверьянычъ уже сидѣли въ почтовомъ тарантасѣ и ѣхали на ближайшую желѣзно-дорожную станцію. Дни были прохладные, ясные, съ голубымъ небомъ и съ прозрачною далью. Двѣсти верстъ до станціи проѣхали въ двое сутокъ и по пути два раза ночевали. Когда на почтовыхъ станціяхъ подавали къ чаю дурно вымытые стаканы или долго запрягали лошадей, то Михаилъ Аверьянычъ багровѣлъ, трясся всѣмъ тѣломъ и кричалъ: «Замолчать! не разсуждать!» А сидя въ тарантасѣ, онъ, не переставая ни на минуту, разсказывалъ о своихъ поѣздкахъ по Кавказу и Царству Польскому. Сколько было приключеній, какія встрѣчи!

Онъ говорилъ громко и при этомъ дѣлалъ такіе удивленные глаза, что можно было подумать, что онъ лгалъ. Вдобавокъ, рассказывая, онъ дышалъ въ лицо Андрею Ефимычу и хохоталъ ему въ ухо. Это стѣсняло доктора и мѣшало ему думать и сосредоточиться.

По желѣзной дорогѣ ѣхали изъ экономіи въ третьемъ классѣ, въ вагонѣ для некурящихъ. Публика на половину была чистая. Михаилъ Аверьянычъ скоро со всѣми перезнакомился и, переходя отъ скамьи къ скамьѣ, громко говорилъ, что не слѣдуетъ ѣздить по этимъ возмутительнымъ дорогамъ. Кругомъ мошенничество! То ли дѣло верхомъ на конѣ: отмахаешь въ одинъ день сто верстъ и потомъ чувствуешь себя здоровымъ и свѣжимъ. А неурожаи у насъ оттого, что осушили Пинскія болота. Вообще безпорядки страшные. Онъ горячился, говорилъ громко и не давалъ говорить другимъ. Эта безконечная болтовня въ перемежку съ громкимъ хохотомъ и выразительными жестами утомила Андрея Ефимыча.

«Кто изъ насъ обоихъ сумасшедшій? — думалъ онъ съ досадой. — Я ли, который стараюсь ничѣмъ не обезпокоить пассажировъ, или этотъ эгоистъ, который думаетъ, что онъ здѣсь умнѣе и интереснѣе всѣхъ, и оттого никому не даетъ покоя?»

Въ Москвѣ Михаилъ Аверьянычъ надѣлъ военный сюртукъ безъ погоновъ и панталоны съ красными кантами. На улицѣ онъ ходилъ въ военной фуражкѣ и въ шинели, и солдаты отдавали ему честь. Андрею Ефимычу теперь казалось, что это былъ человѣкъ, который изъ всего барскаго, которое у него когда-то было, промоталъ все хорошее и оставилъ себѣ одно только дурное. Онъ любилъ, чтобъ ему услуживали, даже когда это было совершенно не нужно. Спички лежали передъ нимъ на столѣ, и онъ ихъ видѣлъ, но кричалъ человѣку, чтобы тотъ подалъ ему спички; при горничной онъ не стѣснялся ходить въ одномъ нижнемъ бѣльѣ; лакеямъ всѣмъ безъ разбора, даже старикамъ,

говорилъ *ты* и, осердившись, величалъ ихъ болванами и дураками. Это, какъ казалось Андрею Ефимычу, было барственно, но гадко.

Прежде всего, Михаилъ Аверьянычъ повелъ своего друга къ Иверской. Онъ молился горячо, съ земными поклонами и со слезали, и, когда кончилъ, глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Хоть и не вѣришь, но оно какъ-то покойнѣе, когда помолишься. Приложитесь, голубчикъ.

Андрей Ефимычъ сконфузился и приложился къ образу, а Михаилъ Аверьянычъ вытянулъ губы и, покачивая головой, помолился шепотомъ, и опять у него на глазахъ навернулись слезы. Затѣмъ пошли въ Кремль и посмотрѣли тамъ на царь-пушку и царь-колоколъ, и даже пальцами ихъ потрогали, полюбовались видомъ на Замоскворѣчье, побывали въ Храмѣ Спасителя и въ Румянцевскомъ музеѣ. Обѣдали они у Тѣстова. Михаилъ Аверьянычъ долго смотрѣлъ въ меню, разглаживая бакены, и сказалъ тономъ гурмана, привыкшаго чувствовать себя въ ресторанахъ, какъ дома:

— Посмотримъ, чѣмъ вы насъ сегодня покормите, ангелъ!

Докторъ ходилъ, смотрѣлъ, ѣлъ, пилъ, но чувство у него было одно: досада на Михаила Аверьяныча. Ему хотѣлось отдохнуть отъ друга, уйти отъ него, спрятаться, а другъ считалъ своимъ долгомъ не отпускать его ни на шагъ отъ себя и доставлять ему возможно больше развлеченій. Когда не на что было смотрѣть, онъ развлекалъ его разговорами. Два дня терпѣлъ Андрей Ефимычъ, но на третій утромъ объявилъ своему другу, что онъ болѣнъ и хочетъ остаться на весь день дома. Другъ сказалъ, что, въ такомъ случаѣ, и онъ остается. Въ самомъ дѣлѣ, надо отдохнуть, а то этакъ ногъ не хватитъ. Андрей Ефимычъ легъ на диванъ, лицомъ къ спинкѣ и, стиснувъ зубы, слушалъ своего друга, который горячо увѣрялъ его, что

Франція рано или поздно непремѣнно разобьетъ Германію, что въ Москвѣ очень много мошенниковъ и что по наружному виду лошади нельзя судить о ея достоинствахъ. У доктора начались шумъ въ ушахъ и сердцебіеніе, но попросить друга уйти или помолчать онъ изъ деликатности не рѣшался. Къ счастью, Михаилу Аверьянычу наскучило сидѣть въ номерѣ и онъ послѣ обѣда ушелъ прогуляться.

Оставшись одинъ, Андрей Ефимычъ предался чувству отдыха. Какъ пріятно лежать неподвижно на диванѣ и сознавать, что ты одинъ въ комнатѣ! Истинное счастье невозможно безъ одиночества. Мысль: падшій ангелъ измѣнилъ Богу, вѣроятно, потому, что захотѣлъ одиночества, котораго не знаютъ ангелы. Андрей Ефимычъ хотѣлъ думать о томъ , что̀ онъ видѣлъ и слышалъ въ послѣдніе дни, но Михаилъ Аверьянычъ не выходилъ у него изъ головы.

«А, вѣдь, онъ взялъ отпускъ и поѣхалъ со мной изъ дружбы, изъ великодушія, — думалъ докторъ съ досадой. — Хуже нѣтъ ничего, какъ эта дружеская опека. Вѣдь, вотъ, кажется, и добръ, и великодушенъ, и весельчакъ, а скученъ. Нестерпимо скученъ. Такъ же вотъ бываютъ люди, которые всегда говорятъ одни только умныя и хорошія слова, но чувствуешь, что они тупые люди».

Въ слѣдующіе затѣмъ дни Андрей Ефимычъ сказывался больнымъ и не выходилъ изъ номера. Онъ лежалъ лицомъ къ спинкѣ дивана и томился, когда другъ развлекалъ его разговорами, или же отдыхалъ, когда другъ отсутствовалъ. Онъ досадовалъ на себя за то, что поѣхалъ, и на друга, который съ каждымъ днемъ становился все болтливѣе и развязнѣе; настроить свои мысли на серьезный, возвышенный ладъ ему никакъ не удавалось.

«Это меня пробираетъ дѣйствительность, о которой говорилъ Иванъ Дмитричъ, — думалъ онъ,

сердясь на свою мелочность. — Впрочемъ, вздоръ... Пріѣду домой и все пойдетъ по-старому...»

И въ Петербургѣ то же самое: онъ по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ номера, лежалъ на диванѣ и вставалъ только затѣмъ, чтобы выпить пива.

Михаилъ Аверьянычъ все время торопилъ ѣхать въ Варшаву.

— Дорогой мой, зачѣмъ я туда поѣду? — говорилъ Андрей Ефимычъ умоляющимъ голосомъ. — Поѣзжайте одни, а мнѣ позвольте ѣхать домой! Прошу васъ!

— Ни подъ какимъ видомъ! — протестовалъ Михаилъ Аверьянычъ. — Это изумительный городъ. Въ немъ я провелъ пять счастливѣйшихъ лѣтъ моей жизни.

У Андрея Ефимыча не хватило характера настоять на своемъ и онъ, скрепя сердце, поѣхалъ въ Варшаву. Тутъ онъ не выходилъ изъ номера, лежалъ на диванѣ и злился на себя, на друга и на лакеевъ, которые упорно отказывались понимать по-русски, а Михаилъ Аверьянычъ, по обыкновенію, здоровый, бодрый и веселый, отъ утра до вечера гулялъ по городу и разыскивалъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Нѣсколько разъ онъ не ночевалъ дома. Послѣ одной ночи, проведенной неизвѣстно гдѣ, онъ вернулся домой рано утромъ въ сильно возбужденномъ состояніи, красный и непричесанный. Онъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ, что-то бормоча про себя, потомъ остановился и сказалъ:

— Честь прежде всего!

Походивъ еще немного, онъ схватилъ себя за голову и произнесъ трагическимъ голосомъ:

— Да, честь выше всего! Будь проклята минута, когда мнѣ впервые пришло въ голову ѣхать въ этотъ Вавилонъ! Дорогой мой, — обратился онъ къ доктору, — презирайте меня: я проигрался! Дайте мнѣ пятьсотъ рублей!

Андрей Ефимычъ отсчиталъ пятьсотъ рублей и

молча отдалъ ихъ своему другу. Тотъ, все еще багровый отъ стыда и гнѣва, безсвязно произнесъ какую-то ненужную клятву, надѣлъ фуражку и вышелъ. Вернувшись часа черезъ два, онъ повалился въ кресло, громко вздохнулъ и сказалъ:

— Честь спасена! Ѣдемте, мой другъ! Ни одной минуты я не желаю оставаться въ этомъ проклятомъ городѣ. Мошенники! Австрійскіе шпіоны!

Когда пріятели вернулись въ свой городъ, былъ уже ноябрь и на улицахъ лежалъ глубокій снѣгъ. Мѣсто Андрея Ефимыча занималъ докторъ Хоботовъ; онъ жилъ еще на старой квартирѣ, въ ожиданіи, когда Андрей Ефимычъ пріѣдетъ и очиститъ больничную квартиру. Некрасивая женщина, которую онъ называлъ своею кухаркой, уже жила въ одномъ изъ флигелей. По городу ходили новыя больничныя сплетни. Говорили, что некрасивая женщина поссорилась со смотрителемъ и этотъ будто бы ползалъ передъ нею на коленяхъ, прося прощенія.

Андрею Ефимычу въ первый же день по пріѣздѣ пришлось отыскивать себѣ квартиру.

— Другъ мой, — сказалъ ему робко почтмейстеръ, — извините за нескромный вопросъ: какими средствами вы располагаете?

Андрей Ефимычъ молча сосчиталъ свои деньги и сказалъ:

— Восемьдесятъ шесть рублей.

— Я не о томъ спрашиваю, — проговорилъ въ смущеніи Михаилъ Аверьянычъ, не понявъ доктора. — Я спрашиваю, какія у васъ средства вообще.

— Я же и говорю вамъ: восемьдесятъ шесть рублей... Больше у меня ничего нѣтъ.

Михаилъ Аверьянычъ считалъ доктора честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, но, все-таки, подозрѣвалъ, что у него есть капиталъ, по крайней мѣрѣ, тысячъ въ двадцать. Теперь же, узнавъ, что Андрей Ефимычъ

нищій, что ему нечѣмъ жить, онъ почему-то вдругъ заплакалъ и обнялъ своего друга.

VI.

Андрей Ефимычъ жилъ въ трехъ-оконномъ домикѣ мѣщанки Бѣловой. Въ этомъ домикѣ было только три комнаты, не считая кухни. Двѣ изъ нихъ, съ окнами на улицу, занималъ докторъ, а въ третьей и въ кухнѣ жили Дарьюшка и мѣщанка съ тремя дѣтьми. Иногда къ хозяйкѣ приходилъ ночевать любовникъ, пьяный мужикъ, бушевавшій по ночамъ и наводившій на дѣтей и на Дарьюшку ужасъ. Когда онъ приходилъ и, усѣвшись въ кухнѣ, начиналъ требовать водки, всѣмъ становилось очень тѣсно, и докторъ изъ жалости бралъ къ себѣ плачущихъ дѣтей, укладывалъ ихъ у себя на полу, и это доставляло ему большое удовольствіе.

Вставалъ онъ, попрежнему, въ восемь часовъ и послѣ чаю садился читать свои старые книги и журналы. На новые у него уже не было денегъ. Оттого ли, что книги были старыя, или, быть можетъ, отъ перемѣны обстановки, чтеніе уже не захватывало его глубоко и утомляло. Чтобы не проводить времени въ праздности, онъ составлялъ подробный каталогъ своимъ книгамъ и приклеивалъ къ ихъ корешкамъ билетики, и эта механическая, кропотливая работа казалась ему интереснѣе, чѣмъ чтеніе. Однообразная кропотливая работа какимъ-то непонятнымъ образомъ убаюкивала его мысли, онъ ни о чемъ не думалъ и время проходило быстро. Даже сидѣть въ кухнѣ и чистить съ Дарьюшкой картофель или выбирать соръ изъ гречневой крупы ему казалось интересно. По субботамъ и воскресеньямъ онъ ходилъ въ церковь. Стоя около стѣны и зажмуривъ глаза, онъ слушалъ пѣніе и думалъ объ отцѣ, о матери, объ университетѣ, о религіяхъ; ему было покойно,

грустно и потомъ, уходя изъ церкви, онъ жалѣлъ, что служба такъ скоро кончилась.

Онъ два раза ходилъ въ больницу къ Ивану Дмитричу, чтобы поговорить съ нимъ. Но въ оба раза Иванъ Дмитричъ былъ необыкновенно возбужденъ и золъ; онъ просилъ оставить его въ покоѣ, такъ какъ ему давно уже надоѣла пустая болтовня, и говорилъ, что у проклятыхъ, подлыхъ людей онъ за всѣ свои страданія проситъ только одной награды — одиночнаго заключенія. Неужели даже въ этомъ ему отказываютъ? Когда Андрей Ефимычъ прощался съ нимъ въ оба раза и желалъ покойной ночи, то онъ огрызался и говорилъ: «Къ чорту!» И Андрей Ефимычъ не зналъ теперь, пойти ему въ третій разъ или нѣтъ. А пойти хотѣлось.

Прежде въ послѣобѣденное время Андрей Ефимычъ ходилъ по комнатамъ и думалъ, теперь же онъ отъ обѣда до вечерняго чая лежалъ на диванѣ лицомъ къ спинкѣ и предавался мелочнымъ мыслямъ, которыхъ никакъ не могъ побороть. Ему было обидно, что за его больше чѣмъ двадцатилѣтнюю службу ему не дали ни пенсіи, ни единовременнаго пособія. Правда, онъ служилъ не честно, но, вѣдь пенсію получаютъ всѣ служащіе безъ различія, честны они или нѣтъ. Современная справедливость и заключается именно въ томъ, что чинами, орденами и пенсіями награждаются не нравственныя качества и способности, а вообще служба, какая бы она ни была. Почему же онъ одинъ долженъ составлять исключеніе? Денегъ у него совсѣмъ не было. Ему было стыдно проходить мимо лавочки и глядѣть на хозяйку. За пиво должны уже 32 рубля. Мѣщанкѣ Бѣловой тоже должны. Дарьюшка потихоньку продаетъ старыя платья и книги и лжетъ хозяйкѣ, что скоро докторъ получитъ очень много денегъ.

Онъ сердился на себя за то, что истратилъ на путешествіе тысячу рублей, которая у него была скоплена. Какъ бы теперь пригодилась эта тысяча! Ему

было досадно, что его не оставляютъ въ покоѣ люди. Хоботовъ считалъ своимъ долгомъ изрѣдка навѣщать больнаго коллегу. Все было въ немъ противно Андрею Ефимычу: и сытое лицо, и дурной, снисходительный тонъ, и слово «коллега», и высокіе сапоги; самое же противное было то, что онъ считалъ своею обязанностью лечить Андрея Ефимыча и думалъ, что въ самомъ дѣлѣ лечитъ. Въ каждое свое посѣщеніе онъ приносилъ стклянку съ бромистымъ каліемъ и пилюли изъ ревеня.

И Михаилъ Аверьянычъ тоже считалъ своимъ долгомъ навѣщать друга и развлекать его. Всякій разъ онъ входилъ къ Андрею Ефимычу съ напускною развязностью, принужденно хохоталъ и начиналъ увѣрять его, что онъ сегодня прекрасно выглядитъ и что дѣла, слава Богу, идутъ на поправку, и изъ этого можно было заключить, что положеніе своего друга онъ считалъ безнадежнымъ. Онъ не выплатилъ еще своего варшавскаго долга и былъ удрученъ тяжелымъ стыдомъ, былъ напряженъ и потому старался хохотать громче и рассказывать смѣшнѣе. Его анекдоты и разсказы казались теперь безконечными и были мучительны и для Андрея Ефимыча, и для него самого. Въ его присутствіи Андрей Ефимычъ ложился обыкновенно на диванъ лицомъ къ стѣнѣ и слушалъ, стиснувъ зубы; на душу его пластами ложилась накипь и послѣ каждаго посѣщенія друга онъ чувствовалъ, что накипь эта становится все выше и словно подходитъ къ горлу.

Чтобы заглушить мелочныя чувства, онъ спѣшилъ думать о томъ, что и онъ самъ, и Хоботовъ, и Михаилъ Аверьянычъ должны рано или поздно погибнуть, не оставивъ въ природѣ даже отпечатка. Если вообразить, что черезъ милліонъ лѣтъ мимо земнаго шара пролетитъ въ пространствѣ какой-нибудь духъ, то онъ увидитъ только глину и голые утесы. Все — и культура, и нравственный законъ — пропадетъ и даже лопухомъ не поростетъ. Что же значитъ стыдъ передъ

лавочникомъ, ничтожный Хоботовъ, тяжелая дружба Михаила Аверьяныча? — все это вздоръ и пустяки. Но такія разсужденія уже не помогали. Едва онъ воображалъ земной шаръ черезъ милліонъ лѣтъ, какъ изъ-за голаго утеса показывался Хоботовъ въ высокихъ сапогахъ или напряженно хохочущій Михаилъ Аверьянычъ и даже слышался стыдливый шепотъ: «А варшавскій долгъ, голубчикъ, возвращу на этихъ дняхъ... Непремѣнно...»

Однажды Михаилъ Аверьянычъ пришелъ послѣ обѣда, когда Андрей Ефимычъ лежалъ на диванѣ. Случилось такъ, что въ это же время явился и Хоботовъ съ бромистымъ каліемъ. Андрей Ефимычъ тяжело поднялся, сѣлъ и уперся обѣими руками о диванъ.

— А сегодня, дорогой мой, — началъ Михаилъ Аверьянычъ, — у васъ цвѣтъ лица гораздо лучше, чѣмъ вчера. Да вы молодцомъ! Ей-Богу, молодцомъ!

— Пора, пора поправляться, коллега, — сказалъ Хоботовъ, зѣвая. — Небось вамъ самимъ надоѣла эта канитель.

— И поправимся! — весело сказалъ Михаилъ Аверьянычъ. — Еще лѣтъ сто жить будемъ! Такъ-тось!

— Сто не сто, а на двадцать еще хватитъ, — утѣшалъ Хоботовъ. — Ничего, ничего, коллега, не унывайте... Будетъ вамъ тѣнь наводить.

— Мы еще покажемъ себя! — захохоталъ Михаилъ Аверьянычъ и похлопалъ друга по колѣну. — Мы еще покажемъ! Будущимъ лѣтомъ, Богъ дастъ, махнемъ на Кавказъ и весь его верхомъ объѣдемъ — гопъ! гопъ! гопъ! А съ Кавказа вернемся, гляди, чего добраго, на свадьбѣ гулять будемъ. — Михаилъ Аверьянычъ лукаво подмигнулъ глазомъ. — Женимъ васъ, дружка милаго... женимъ...

Андрей Ефимычъ вдругъ почувствовалъ, что накипь подходитъ къ горлу; у него страшно забилось сердце.

— Это пòшло! — сказалъ онъ, быстро вставая и отходя къ окну. — Неужели вы не понимаете, что говорите пошлости?

Онъ хотѣлъ продолжать мягко и вѣжливо, но противъ воли вдругъ сжалъ кулаки и поднялъ ихъ выше головы.

— Оставьте меня! — крикнулъ онъ не своимъ голосомъ, багровѣя и дрожа всѣмъ тѣломъ. — Вонъ! Оба вонъ, оба!

Михаилъ Аверьянычъ и Хоботовъ встали и уставились на него сначала съ недоумѣніемъ, потомъ со страхомъ.

— Оба вонъ! — продолжалъ кричать Андрей Ефимычъ. — Тупые люди! Глупые люди! Не нужно мнѣ ни дружбы, ни твоихъ лѣкарствъ, тупой человѣкъ! Пошлость! Гадость!

Хоботовъ и Михаилъ Аверьянычъ, растерянно переглядываясь, попятились къ двери и вышли въ сѣни. Андрей Ефимычъ схватилъ стклянку съ бромистымъ каліемъ и швырнулъ имъ вслѣдъ; стклянка со звономъ разбилась о порогъ.

— Убирайтесь къ чорту! — крикнулъ онъ плачущимъ голосомъ, выбѣгая въ сѣни. — Къ чорту!

По уходѣ гостей, Андрей Ефимычъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ, легъ на диванъ и долго еще повторялъ: «Тупые люди! Глупые люди!» Когда онъ успокоился, то, прежде всего, ему пришло на мысль, что бѣдному Михаилу Аверьянычу теперь, должно быть, страшно стыдно и тяжело на душѣ, и что все это ужасно. Никогда раньше не случалось ничего подобнаго. Гдѣ же умъ и тактъ? Гдѣ уразумѣніе вещей и философское равнодушіе?

Докторъ всю ночь не могъ уснуть отъ стыда и досады на себя, а утромъ, часовъ въ десять, отправился въ почтовую контору и извинился передъ почтмейстеромъ.

— Не будемъ вспоминать о томъ, что произошло, — сказалъ со вздохомъ растроганный Михаилъ Аверьянычъ, крѣпко пожимая ему руку. — Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Любавкинъ! — вдругъ крикнулъ онъ такъ громко, что всѣ почтальоны и посѣтители вздрогнули. — Подай стулъ! А ты подожди! — крикнулъ онъ бабѣ, которая сквозь рѣшетку протягивала къ нему заказное письмо. — Развѣ не видишь, что я занятъ? Не будемъ вспоминать старое, — продолжалъ онъ нѣжно, обращаясь къ Андрею Ефимычу. — Садитесь, покорнѣйше прошу, мой дорогой.

Онъ минуту молча поглаживалъ себѣ колѣни и потомъ сказалъ:

— У меня и въ мысляхъ не было обижаться на васъ. Болѣзнь не свой братъ, я понимаю. Вашъ припадокъ испугалъ насъ вчера съ докторомъ и мы долго потомъ говорили о васъ. Дорогой мой, отчего вы не хотите серьезно заняться вашею болѣзнью? Развѣ можно такъ? Извините за дружескую откровенность, — зашепталъ Михаилъ Аверьянычъ, — вы живете въ самой неблагопріятной обстановкѣ; тѣснота, нечистота, ухода за вами нѣтъ, лечиться не на что... Дорогой мой другъ, умоляемъ васъ вмѣстѣ съ докторомъ всѣмъ сердцемъ, послушайтесь нашего совѣта: ложитесь въ больницу! Тамъ и пища здоровая, и уходъ, и леченіе. Евгеній Ѳедорычъ хотя и моветонъ, между нами говоря, но свѣдущій, на него вполнѣ можно положиться. Онъ далъ мнѣ слово, что займется вами.

Андрей Ефимычъ былъ тронутъ искреннимъ участіемъ и слезами, которыя вдругъ заблестѣли на щекахъ у почтмейстера.

— Уважаемый, не вѣрьте! — зашепталъ онъ, прикладывая руку къ сердцу. — Не вѣрьте имъ! Это обманъ! Болѣзнь моя только въ томъ, что за двадцать лѣтъ я нашелъ во всемъ городѣ одного только умнаго человѣка, да и тотъ сумасшедшій. Болѣзни нѣтъ

никакой, а просто я попалъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Мнѣ все равно, я на все готовъ.

— Ложитесь въ больницу, дорогой мой.

— Мнѣ все равно, хоть въ яму.

— Дайте, голубчикъ, слово, что вы будете слушаться во всемъ Евгенія Ѳедорыча.

— Извольте, даю слово. Но, повторяю, уважаемый, я попалъ въ заколдованный кругъ. Теперь все, даже искреннее участіе моихъ друзей, клонится къ одному — къ моей погибели. Я погибаю и имѣю мужество сознавать это.

— Голубчикъ, вы выздоровѣете.

— Къ чему это говорить? — сказалъ Андрей Ефимычъ съ раздраженіемъ. — Рѣдкій человѣкъ подъ конецъ жизни не испытываетъ того же, что я теперь. Когда вамъ скажутъ, что у васъ что-нибудь вродѣ плохихъ почекъ и увеличеннаго сердца, и вы станете лечиться, или скажутъ, что вы сумасшедшій или преступникъ, то-есть, однимъ словомъ, когда люди вдругъ обратятъ на васъ свое вниманіе, то знайте, что вы попали въ заколдованный кругъ, изъ котораго уже не выйдете. Будете стараться выйти и еще больше заблудитесь. Сдавайтесь, потому что никакія человѣческія усилія уже не спасутъ васъ. Такъ мнѣ кажется.

Между тѣмъ, у рѣшетки толпилась публика. Андрей Ефимычъ, чтобы не мѣшать, всталъ и началъ прощаться. Михаилъ Аверьянычъ еще разъ взялъ съ него честное слово и проводилъ его до наружной двери.

Въ тотъ же день, передъ вечеромъ, къ Андрею Ефимычу неожиданно явился Хоботовъ въ полушубкѣ и въ высокихъ сапогахъ и сказалъ такимъ тономъ, какъ будто вчера ничего не случилось:

— А я къ вамъ по дѣлу, коллега. Пришелъ приглашать васъ: не хотите ли со мной на консиліумъ, а?

Думая, что Хоботовъ хочетъ развлечь его

прогулкой или, въ самомъ дѣлѣ, дать ему заработать, Андрей Ефимычъ одѣлся и вышелъ съ нимъ на улицу. Онъ радъ былъ случаю загладить вчерашнюю вину и помириться, и въ душѣ благодарилъ Хоботова, который даже не заикнулся о вчерашнемъ и, повидимому, щадилъ его. Отъ этого некультурнаго человѣка трудно было ожидать такой деликатности.

— А гдѣ вашъ больной? — спросилъ Андрей Ефимычъ.

— У меня въ больницѣ. Мнѣ ужь давно хотѣлось показать вамъ... Интереснѣйшій случай.

Вошли въ больничный дворъ и, обойдя главный корпусъ, направились къ флигелю, гдѣ помѣщались умалишенные. И все это почему-то молча. Когда вошли во флигель, Никита, по обыкновенію, вскочилъ и вытянулся.

— Тутъ у одного произошло осложненіе со стороны легкихъ, — сказалъ въ полголоса Хоботовъ, входя съ Андреемъ Ефимычемъ въ палату, — Вы погодите здѣсь, а я сейчасъ. Схожу только за стетоскопомъ.

И вышелъ.

Уже смеркалось. Иванъ Дмитричъ лежалъ на своей постели, уткнувшись лицомъ въ подушку; паралитикъ сидѣлъ неподвижно, тихо плакалъ и шевелилъ губами. Толстый мужикъ и бывшій сортировщикъ спали. Было тихо.

Андрей Ефимычъ сидѣлъ на кровати Ивана Дмитрича и ждалъ. Но прошло съ полчаса, и вмѣсто Хоботова вошелъ въ палату Никита, держа въ охапкѣ халатъ, чье-то бѣлье и туфли.

— Пожалуйте одѣваться, ваше высокоблагородіе, — сказалъ онъ тихо. — Вотъ ваша постелька, пожалуйте сюда, — добавилъ онъ, указывая на пустую, очевидно, недавно принесенную кровать. — Ничего, Богъ дастъ, выздоровѣете.

Открытка. А.В. Ванеціанъ. А. П. Чеховъ. «Палата №6», 1959 годъ.

Андрей Ефимычъ все понялъ. Онъ, ни слова не говоря, перешелъ къ кровати, на которую указалъ Никита, и сѣлъ; видя, что Никита стоитъ и ждетъ, онъ раздѣлся до-гола, и ему стало стыдно. Потомъ онъ надѣлъ больничное платье; кальсоны были очень коротки, рубаха длинна, а отъ халата пахло копченою рыбой.

— Выздоровѣете, Богъ дастъ, — повторилъ Никита.

Онъ забралъ въ охапку платье Андрея Ефимыча, вышелъ и затворилъ за собой дверь.

«Все равно... — думалъ Андрей Ефимычъ, стыдливо запахиваясь въ халатъ и чувствуя, что въ своемъ новомъ костюмѣ онъ похожъ на арестанта. — Все равно... Все равно, что фракъ, что мундиръ, что этотъ халатъ...»

Но какъ же часы? А записная книжка, что въ

боковомъ карманѣ? А папиросы? Куда Никита унесъ платье? Теперь, пожалуй, до самой смерти уже не придется надѣвать брюкъ, жилета и сапоговъ. Все это какъ-то странно и даже непонятно въ первое время. Андрей Ефимычъ и теперь былъ убѣжденъ, что между домомъ мѣщанки Бѣловой и палатой № 6 нѣтъ никакой разницы, что все на этомъ свѣтѣ вздоръ и суета-суетъ, а, между тѣмъ, у него дрожали руки, ноги холодѣли и было жутко отъ мысли, что скоро Иванъ Дмитричъ встанетъ и увидитъ, что онъ въ халатѣ. Онъ всталъ, прошелся и опять сѣлъ.

Вотъ онъ просидѣлъ уже полчаса, часъ, и ему надоѣло до тоски; неужели здѣсь можно прожить день, недѣлю и даже годы, какъ эти люди? Ну, вотъ онъ сидѣлъ, прошелся и опять сѣлъ; можно пойти и посмотреть въ окно, и опять пройтись изъ угла въ уголъ. А потомъ что̀? Такъ и сидѣть все время, какъ истуканъ, и думать? Нѣтъ, это едва ли возможно. Андрей Ефимычъ легъ, но тотчасъ же всталъ, вытеръ рукавомъ со лба холодный потъ и почувствовалъ, что все лицо его запахло копченою рыбой. Онъ опять прошелся..

— Это какое-то недоразумѣніе... — проговорилъ онъ, разводя руками въ недоумѣніи. — Надо объясниться, тутъ недоразумѣніе...

Въ это время проснулся Иванъ Дмитричъ. Онъ сѣлъ и подперъ щеки кулаками. Сплюнулъ. Потомъ онъ лѣниво взглянулъ на доктора и, повидимому, въ первую минуту ничего не понялъ; но скоро сонное лицо его стало злымъ и насмѣшливымъ.

— Ага, и васъ засадили сюда, голубчикъ! — проговорилъ онъ сиплымъ съ просонокъ голосомъ, зажмуривъ одинъ глазъ. — Очень радъ. То вы пили изъ людей кровь, а теперь изъ васъ будутъ пить. Превосходно!

— Это какое-то недоразумѣніе... — проговорилъ Андрей Ефимычъ, пугаясь словъ Ивана Дмитрича; онъ

пожалъ плечами и повторилъ: — недоразумѣніе какое-то...

Иванъ Дмитричъ опять сплюнулъ и легъ.

— Проклятая жизнь! — проворчалъ онъ. — И что̀ горько и обидно, вѣдь, эта жизнь кончится не наградой за страданія, не апоѳеозомъ, какъ въ оперѣ, а смертью; придутъ мужики и потащутъ мертваго за руки и за ноги въ подвалъ. Бррр! Ну, ничего... За то на томъ свѣтѣ будетъ нашъ праздникъ. Я съ того свѣта буду являться сюда тѣнью и пугать этихъ гадинъ. Я ихъ посѣдѣть заставлю.

Вернулся Моисейка и, увидѣвъ доктора, протянулъ руку.

— Дай копѣечку! — сказалъ онъ.

Андрей Ефимычъ отошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ поле. Уже становилось темно и на горизонтѣ съ правой стороны выходила холодная, багровая луна. Недалеко отъ больничнаго забора, въ ста саженяхъ, не больше, стоялъ высокій бѣлый домъ, обнесенный каменною стѣной. Это была тюрьма.

— Вотъ она дѣйствительность! — подумалъ Андрей Ефимычъ, и ему стало страшно.

Были страшны и луна, и тюрьма, и гвозди на заборѣ, и далекій пламень въ костопальномъ заводѣ. Сзади послышался вздохъ. Андрей Ефимычъ оглянулся и увидѣлъ человѣка съ блестящими звѣздами и съ орденами на груди, который улыбался и лукаво подмигивалъ глазомъ. И это показалось страшнымъ. Андрей Ефимычъ увѣрялъ себя, что въ лунѣ и въ тюрьмѣ нѣтъ ничего особеннаго, что и психически здоровые люди носятъ ордена и что все современемъ сгніетъ и обратится въ глину, но отчаяніе вдругъ овладѣло имъ, онъ ухватился обѣими руками за рѣшетку и изо всей силы потрясъ ее. Крѣпкая рѣшетка не поддалась.

«Палата № 6»
Художник А. Пластов. 1954

Потомъ, чтобы не такъ было страшно, онъ пошелъ къ постели Ивана Дмитрича и сѣлъ.

— Я палъ духомъ, дорогой мой, — пробормоталъ онъ, дрожа и утирая холодный потъ. — Палъ духомъ.

— А вы пофилософствуйте, — сказалъ насмѣшливо Иванъ Дмитричъ.

— Боже мой, Боже мой... Да, да... Вы какъ-то изволили говорить, что въ Россіи нѣтъ философіи, но философствуютъ всѣ, даже мелюзга. Но, вѣдь, отъ философствованія мелюзги никому нѣтъ вреда, — сказалъ Андрей Ефимычъ такимъ тономъ, какъ будто хотелъ заплакать и разжалобить. — Зачѣмъ же, дорогой мой, этотъ злорадный смѣхъ? И какъ не философствовать этой мелюзгѣ, если она не удовлетворена? Умному, образованному, гордому, свободолюбивому человѣку, подобію Божію, нѣтъ другого выхода, какъ идти лѣкаремъ въ грязный, глупый городишко и всю жизнь банки, піявки, горчишники! Шарлатанство, узость, пошлость! О, Боже мой!

— Вы болтаете глупости. Если въ лѣкаря противно, шли бы въ министры.

— Никуда, никуда нельзя. Слабы мы, дорогой... Былъ я равнодушенъ, бодръ и здраво разсуждалъ, а стоило только жизни грубо прикоснуться ко мнѣ, какъ я палъ духомъ... прострація... Слабы мы, дрянные мы... И вы тоже, дорогой мой. Вы умны, благородны, съ молокомъ матери всосали благіе порывы, но едва вступили въ жизнь, какъ утомились и заболѣли... Слабы, слабы!

Что-то еще неотвязчивое, кромѣ страха и чувства обиды, томило Андрея Ефимыча все время съ наступленія вечера. Наконецъ, онъ сообразилъ, что это ему хочется пива и курить.

— Я выйду отсюда, дорогой мой, — сказалъ онъ. — Скажу, чтобы сюда огня дали... Не могу такъ... не въ состояніи...

Литературный альбомъ. „Палата № 6“, разсказъ А. П. Чехова. Докторъ Рагинъ и Громовъ требуютъ, чтобы ихъ выпустили изъ палаты.
Оригр. рис. (собств. «Нивы») А. П. Апсита, изг. «Нивы».

Андрей Ефимычъ пошелъ къ двери и отворилъ ее, но тотчасъ же Никита вскочилъ загородилъ ему дорогу.

— Куда вы? Нельзя, нельзя! — сказалъ онъ. — Пора спать!

— Но я только на минуту, по двору пройтись! — оторопѣлъ Андрей Ефимычъ.

— Нельзя, нельзя, не приказано. Сами знаете.

Никита захлопнулъ дверь и прислонился къ ней спиной.

— Но если я выйду отсюда, что кому сдѣлается отъ этого? — спросилъ Андрей Ефимычъ, пожимая плечами. — Не понимаю! Никита, я долженъ выйти! — сказалъ онъ, дрогнувшимъ голосомъ. — Мнѣ нужно!

— Не заводите безпорядковъ, не хорошо! — сказалъ наставительно Никита.

— Это чортъ знаетъ что такое! — вскрикнулъ

вдругъ Иванъ Дмитричъ и вскочилъ. — Какое онъ имѣетъ право не пускать? Какъ они смѣютъ держать насъ здѣсь? Въ законѣ, кажется, ясно сказано, что никто не можетъ быть лишенъ свободы безъ суда. Это насиліе! Произволъ!

— Конечно, произволъ! — сказалъ Андрей Ефимычъ, подбодряемый крикомъ Ивана Дмитрича. — Мнѣ нужно, я долженъ выйти! Онъ не имѣетъ права! Отпусти, тебѣ говорятъ!

— Слышишь, тупая скотина? — крикнулъ Иванъ Дмитричъ и постучалъ кулакомъ въ дверь. — Отвори, а то я дверь выломаю! Живодеръ!

— Отвори! — крикнулъ Андрей Ефимычъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Я требую!

— Поговори еще! — отвѣтилъ за дверью Никита. — Поговори!

— По крайней мѣрѣ, поди позови сюда Евгенія Ѳедорыча! Скажи, что я прошу его пожаловать... На минуту!

— Завтра они сами придутъ.

— Никогда насъ не выпустятъ! — продолжалъ, между тѣмъ, Иванъ Дмитричъ. — Сгноятъ насъ здѣсь! О, Господи, неужели же въ-самомъ дѣлѣ на томъ свѣтѣ нѣтъ ада и эти негодяи будутъ прощены? Гдѣ же справедливость? Отвори, негодяй, я задыхаюсь! — крикнулъ онъ сильнымъ голосомъ и навалился на дверь. — Я разможжу себѣ голову! Убійцы!

Никита быстро отворилъ дверь, грубо, обѣими руками и колѣномъ отпихнулъ Андрея Ефимыча, потомъ размахнулся и ударилъ его кулакомъ по лицу. Андрею Ефимычу показалось, что громадная соленая волна накрыла его съ головой и потащила къ кровати; въ самомъ дѣлѣ, во рту было солоно: вѣроятно, изъ зубовъ пошла кровь. Онъ, точно желая выплыть, замахалъ руками и ухватился за чью-то кровать, и въ это время

почувствовалъ, какъ Никита два раза ударилъ его въ спину.

Громко вскрикнулъ Иванъ Дмитричъ. Должно быть, и его били.

Затѣмъ все стихло. Жидкій лунный свѣтъ шелъ сквозь рѣшетки и на полу лежала тѣнь, похожая на сѣть. Было страшно. Андрей Ефимычъ легъ и притаилъ дыханіе; онъ съ ужасомъ ждалъ, что его ударятъ еще разъ. Точно кто взялъ серпъ, воткнулъ въ него и нѣсколько разъ повернулъ въ груди и въ кишкахъ. Отъ боли онъ укусилъ подушку и стиснулъ зубы, и вдругъ въ головѣ его среди хаоса ясно мелькнула страшная, невыносимая мысль, что такую же точно боль должны были испытывать годами изо-дня въ день эти люди, казавшіеся теперь при лунномъ свѣтѣ черными тѣнями. Какъ могло случиться, что въ продолженіи больше, чѣмъ двадцати лѣтъ, онъ не зналъ и не хотѣлъ знать этого? Онъ не зналъ, не имѣлъ понятія о боли, значитъ, онъ не виноватъ, но совѣсть, такая же не сговорчивая и грубая, какъ Никита, заставила его похолодѣть отъ затылка до пятъ. Онъ вскочилъ, хотѣлъ крикнуть изо всѣхъ силъ и бѣжать скорѣе, чтобъ убить Никиту, потомъ Хоботова, смотрителя и фельдшера, потомъ себя, но изъ груди не вышло ни одного звука и ноги не повиновались; задыхаясь, онъ рванулъ на груди халатъ и рубаху, порвалъ и безъ чувствъ повалился на кровать.

Утромъ на другой день у него болѣла голова, гудѣло въ ушахъ и во всемъ тѣлѣ чувствовалось недомоганіе. Вспоминать о вчерашней своей слабости ему не было стыдно. Онъ былъ вчера малодушенъ, боялся даже луны и искренно высказывалъ чувства и мысли, какихъ раньше и не подозрѣвалъ у себя. Напримѣръ, мысли о неудовлетворенности философствующей мелюзги. Но теперь ему было все равно.

Онъ не ѣлъ, не пилъ, лежалъ неподвижно и молчалъ.

«Мнѣ все равно, — думалъ онъ, когда ему задавали вопросы. — Отвѣчать не стану... Мнѣ все равно».

Послѣ обѣда пришелъ Михаилъ Аверьянычъ и принесъ четверку чаю и фунтъ мармеладу. Дарьюшка тоже приходила и цѣлый часъ стояла около кровати съ выраженіемъ тупой скорби на лицѣ. Посѣтилъ его и докторъ Хоботовъ. Онъ принесъ стклянку съ бромистымъ каліемъ и приказалъ Никитѣ покурить въ палатѣ чѣмъ-нибудь.

Подъ вечеръ Андрей Ефимычъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Сначала онъ почувствовалъ потрясающій ознобъ и тошноту; что-то отвратительное, какъ казалось, похожее на гніющую кислую капусту и тухлыя яйца, проникая во все тѣло, даже въ пальцы, потянуло отъ желудка къ головѣ и залило глаза и уши. Позеленѣло въ глазахъ. Андрей Ефимычъ понялъ, что ему пришелъ конецъ, и вспомнилъ, что Иванъ Дмитричъ, Михаилъ Аверьянычъ и милліоны людей вѣрятъ въ безсмертіе. А вдругъ оно есть? Но безсмертія ему не хотѣлось и онъ думалъ о немъ только одно мгновеніе. Стадо антилопъ, необыкновенно красивыхъ и граціозныхъ, пробѣжало мимо него; потомъ баба протянула къ нему руку съ заказнымъ письмомъ... Сказалъ что-то Михаилъ Аверьянычъ. Потомъ все изчезло, и Андрей Ефимычъ забылся на вѣки.

Пришли мужики, взяли его за руки и за ноги и отнесли въ часовню. Тамъ онъ лежалъ на столѣ съ открытыми глазами и луна ночью освѣщала его. Утромъ пришелъ Сергѣй Сергѣичъ, набожно помолился на Распятіе и закрылъ своему бывшему начальнику глаза.

Черезъ день Андрея Ефимыча хоронили. На похоронахъ были только Михаилъ Аверьянычъ и Дарьюшка.

Антонъ Чеховъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Изданіе данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (https://xram-v-yazvichax.ru), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровенковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка… Смѣнялись поколѣнія… Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города… Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ умерли еще десятки подобныхъ селъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждетъ…

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположенiй, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставрацiи храма. И затѣмъ все вернется, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданiе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документацiи.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленiя храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованiе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счетъ получателя: 40703810655100000343 въ Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россiи», Санктъ-Петербургъ.
ИНН получателя: 7816290748.
Получатель: Фондъ возстановленiя церкви Святой Троицы въ Язвищахъ.
Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653.
БИК Банка получателя: 044030653.
Назначенiе платежа: Благотворительное пожертвованiе.

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложеніе вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

Человѣка, доброхотно дающаго, любитъ Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнитъ
[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]